

INSPIRIA

СЕМЬ МАСОК.
СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ.
ОДИН БЕСПОЩАДНЫЙ
УБИЙЦА.

ДЕВОЧКА - ЛИСА

МАРИЯ ГРЮНД

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Швеция

Мария Грюнд
Девочка-лиса

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Грюнд М.

Девочка-лиса / М. Грюнд — «Эксмо», 2020 — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция)

ISBN 978-5-04-192035-7

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ТРИЛЛЕР, ВОЗГЛАВИВШИЙ СПИСОК БЕСТСЕЛЛЕРОВ В ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ. КНИГА ПЕРЕВЕДЕНА НА 11 ЯЗЫКОВ. ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ ПИСАТЕЛЕЙ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА. Несколько лет назад в детском лагере произошло что-то ужасное. У семи детей есть ключ к жуткой правде. Тело 14-летней девушки находят в заполненном водой карьере. Ее запястья перерезаны, в длинных волосах запутался кусок веревки, а на коже, над поясом джинсов, цифра 26. Утром следующего дня в элитном районе на роскошной вилле находят тело пожилой владелицы антикварного книжного магазина. Женщина подверглась зверскому нападению: убийца буквально искромсал ее тело в приступе ярости. Кроме того, в одной из комнат виллы найдена жуткая картина известной местной художницы: на ней изображены семеро детей в масках животных и рыжеволосая девочка в маске лисы, невероятно похожа на девушку, чье тело накануне обнаружили в карьере. И хотя смерть подростка признана самоубийством, картина наводит следователей на мысль, что она может быть связана с убийством женщины. Вскоре становится ясно, что это лишь начало серии жестоких убийств. Смогут ли детективы сложить все детали этой головоломки и остановить безжалостного убийцу? «Безрадостная, жуткая драма с совершенно уникальным звучанием». — DAGENS NYHETER «Мария Грюнд дебютировала с сильным романом о восхитительной героине». — SUNDSVALLS TIDNING «Впечатляющий дебют». — UPPSALA NYA TIDNING «Все, кто ищет остросюжетную детективную историю с реками крови, множеством убийств и другими ужасами, найдут это здесь». — ÖLANDSBLADET «Захватывающий и кинематографичный остросюжетный триллер. Отличный дебют многообещающего автора». — Из номинации на

премию CRIMETIME AWARDS 2020 «Здесь царит особая атмосфера, как будто вы находитесь прямо на месте событий». — CRIMI-COUCH.DE

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-192035-7

© Грюнд М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Мария Грюнд

Девочка-лиса

Maria Grund
DÖDSSYNDEN

© Maria Grund 2020

First published by Modernista, Sweden
Published by arrangement with Partners in Stories,
Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

В коллаже на обложке и во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Elina Li, GaliChe, FGraphix / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Братова Н. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Скандинавский нуар в лучших традициях жанра – кровавая серия убийств, неугасающая динамика, жуткие события, произошедшие в прошлом, в которых предстоит разобраться детективам, ну и конечно, беспощадный, не оставляющий следов убийца, движимый мстью. История, которая держит в напряжении до самого финала.

Ольга Нестерова, редактор

Его окутывает туман. Мягкий мох подталкивает мальчика вверх, вперед. Помогает продираться сквозь царапающие кожу колючки и тянущиеся к глазам и кудрям ветки. Голье ноги и босые ступни насквозь продрогли. Если бы его не защищала хлопковая ткань кальсон, хлесткие удары побегов давно свалили бы его с ног.

Он ускоряется, перескакивая через поваленные коряги и продираясь сквозь бурелом сосновых веток и гниющих ясеней. Он спешит, торопится вперед. Сердце стучит все сильнее, пока стук его не заглушает боль и голоса прячущихся в тени охотников.

Не будь той ямы, что разверзлась перед ним, ухватила его за ногу и повалила на землю, он бы, может, и сумел ускользнуть. Но в тот момент, когда лицо его ударяется о затянутый мхом камень, распростертое, словно крест, тело замирает, а глаза закатываются, он слышит их голоса совсем близко:

«Смерть волку, смерть волку, смерть волку...»

1.

Санна Берлинг оглядывается по сторонам, стоя в пустой выгоревшей комнате. Коричневатый грязный свет просачивается сквозь покрытое соляной коркой пыльное окно. Запах вьевшегося дыма и плесени проникает глубоко в носоглотку. Комната кажется темнее с каждым ее новым приходом. Может, это все деревья, свободно разросшиеся вокруг дома, а может, оптическая иллюзия, виной которой невероятная усталость.

Она аккуратно проводит пальцами по стене, покрытой слоем копоти. Там, где слой тоньше, проступают потертые обои детской. Она зажмуривается, опускает руку и следует вдоль стены до двери. Достигнув дверного проема, она, как и всегда, останавливается перед процарапанной на дереве надписью. Пальцы ощупывают выведенное детским почерком слово: «КЫШ».

Когда она выскользывает наружу сквозь двойные входные двери дома, стайка птичек вспархивает с раскидистого гибнущего дерева в саду. Дерево-оберег, призванное защищать дом от сглаза. Воздух наполняется шелестом крыльев, словно пташек преследует надвигающаяся буря.

Она стоит перед открывающимся взору простором. Вся эта часть острова, от близлежащих полей и лугов, тянущихся вниз к дороге, церкви и дальше к голым прибрежным скалам, совершенно безлюдна. Звонит телефон. Она отвечает, слушает голос на том конце.

– Я сейчас здесь, – произносит она. – Передайте: «Спасибо, но нет». Я не буду продавать. Пока не буду.

В ответ слышатся бурные протесты, но выражение ее лица остается безучастным. Санна возвращается обратно к своему черному «Саабу». Когда она вырывается на дорогу, дом проплывает в зеркале заднего вида, словно рассматривает ее выгоревшими глазницами окон.

По радио в машине заходится какой-то представитель регионального правления: *«...суровые ограничения и жесткие меры последних лет поставили регион перед необходимостью решения крупных социальных проблем и пошатнули нашу защищенность сразу по нескольким позициям. И все же они до сих пор не помогли нам привести бюджет в равновесие... Все вместе мы должны прибегнуть к еще более жесткой экономии, не позволив при этом закрыть еще хоть один дом престарелых или какое-либо иное значимое заведение или организацию из тех, что оказывают поддержку все возрастающему числу людей, принадлежащих к наиболее уязвимым и социально не защищенным слоям населения...»*

Она выключает радио, врубает старенький CD-проигрыватель и набирает скорость. Пока мимо проплывают отдельно стоящие усадьбы и торпы ¹, из динамиков льется Rabbia Fuori Controllo в исполнении Роберта Джонсона и «Панчдранкс». За окном пробегают луга, поля и темные участки леса. Потом ненадолго выныривает центр города, и под конец она въезжает в промышленную зону. Перед ней растрескавшийся асфальт, а вдоль обнесенного колючей проволокой забора тянутся ряды контейнеров.

Молодой человек в коротком платье-рубашке с рукавами-«фонариками», внушительных размеров воротником и массивными накладными плечиками стоит, судорожно подергиваясь, у светофора. У него нет одной брови, другая выведена черным фломастером слишком высоко над надбровной дугой. На ногах у него грязные шлепанцы, и всякий раз, ставя на землю правую ногу, он дергается как подбитая псина. Когда она проезжает мимо, он, кажется, расслабляется на несколько секунд. Робко поглядывает на нее, и в его взгляде читается узнавание. Она сбавляет скорость, роется на заднем сиденье, опускает стекло и кидает ему шерстяную кофту. Он быстрым движением закутывается в нее и бормочет что-то, наверное, благодарит.

Санна сворачивает на гравиевую дорожку и проезжает мимо земельного участка, на котором стоят трейлер и палатка. Где-то в темноте заливается лаем собака, когда она выворачивает руль вправо у невзрачной вывески «Склад и гараж».

Дверь скрежещет, задевая бетонный пол. Санна включает лампу в углу, и мягкий свет падает на раскладушку, застеленную пледом, с кинутой поверх него подушкой. Потолок в этой части гаража ниже, остальное пространство теперь занимает наискосок припаркованный «Сааб». Ключи так и остались в замке зажигания.

¹ Торп – в Скандинавии участок земли с небольшим домом.

Она скидывает на стул пару счетов и рекламные листовки, стягивает с себя черное шерстяное полупальто, которое падает прямо на пол, потом снимает брюки. После этого берет обшарпанные звукоизолирующие наушники и натягивает их на голову.

Ключи от гаража и полицейское удостоверение она кладет на складной столик, который выполняет роль прикроватной тумбочки. Они звякают, ударившись об уже лежащий там предмет – маленькое круглое ручное зеркальце, на котором написано «Эрик». Потом она берет блистер с мелкими сиреневыми таблетками. Выдавливает себе на ладонь сразу три и закидывает в рот.

Взгляд ее затуманивается, делается отстраненным, почти мертвым, когда она ложится на раскладушку. «Я скоро», – шепчет она, проваливаясь в темноту.

Дверной звонок в маленькой дежурной аптеке дребезжит, едва Эйр Педерсен переступает через порог. Она движется стремительно, чуть подавшись вперед, тело ее напряжено, а в настроенном взгляде чувствуется напряженная энергия. Когда она расстегивает плотно сидящую кожаную куртку и засовывает руку во внутренний карман, то видит, что стоящая за прилавком аптекарша внимательно за ней наблюдает. Неявно, но озабоченно. Эйр знаком этот взгляд, она к нему привыкла. Она почти уверена, что к этому моменту женщина в белом халате уже успела протянуть руку к тревожной кнопке. Она могла бы сказать ей что-нибудь, чтобы разрядить обстановку, но сил на это не осталось, она просто подходит к прилавку и выкладывает на него два удостоверения личности. Потом легонько стучит пальцем по одному из них.

– Вам должен был прийти рецепт на таблетки и раствор. Мне нужен раствор.

Аптекарша изучает ее удостоверение личности и вбивает что-то в компьютер, исподтишка поглядывая на Эйр.

– Не можете найти? – интересуется Эйр. – Что-то не так? Потому что в таком случае вы можете позвонить...

– Нет, все в порядке, – быстро отвечает женщина и исчезает где-то в глубине за шкафами.

Эйр осматривает маленькое помещение. На полках все в идеальном порядке. Красивый старый каменный пол намыт и отполирован до блеска, а освещение непривычно мягкое и нерезкое для аптечного. Те аптеки, к которым она привыкла на материке, похожи на гигантские стерильные контейнеры с холодным освещением ламп дневного света и продезинфицированными, забитыми до отказа стеллажами и крутящимися стойками. А здесь чувствуется лоск и атмосфера старинного магазинчика сладостей.

– Ну вот, – прерывает аптекарша течение ее мыслей. – Еще что-то?

Она запикивает в пакетик пузырек метадона и протягивает его Эйр.

Эйр смотрит на высветившуюся на экране сумму и расплачивается.

– А как можно покороче пройти до Корс-парка, не через ипподром?

– Вы имеете в виду Корс-сквер? – поправляет ее аптекарша.

– Да, именно.

– Пройдите по холму, вы его сразу увидите, как выйдете на площадь. За городской стеной выходите на главную улицу и идите по ней, а потом срежьте угол у стадиона, там, где крытая ледовая арена.

– Хорошо, спасибо.

Эйр направляется к дверям.

– Хотя я бы пошла через ипподром, – добавляет аптекарша. – В такое-то время.

Маленький городок, обнесенный каменной стеной, затих в осенних сумерках. Переулки змеями обвивают отлогую площадь. Бульжники на мостовой блестят от влаги, а на поникших розовых кустах в темноте поблескивает несколько упрямых уцелевших листьев.

Начинается дождь. Эйр всегда любила непогоду, находила в ней освобождение и умиротворение. Гармония исходит откуда-то изнутри, из самых недр ее существа. Но на этот раз ощущение покоя задерживается всего на пару секунд и тотчас испаряется.

В паре шагов от нарядно подсвеченных крепостных стен городской пейзаж резко меняется. Большинство магазинов здесь уже закрыто на ночь, и чем дальше она идет мимо брошенных машин и исписанных граффити дорожных знаков, тем более пустынными становятся улицы. Эйр срезает немного, пройдя через участок незавершенных дорожных работ, потом минует стадион и оказывается в захудалом районе, где ютятся таунхаусы старой застройки и втиснутые по соседству с ними низенькие многоквартирные дома. Неубранная уличная мебель виднеется то тут, то там в палисадничках, а стоящие у домов помойные контейнеры набиты доверху. Чуть подалее по улице две девчонки малюют что-то баллончиками на гаражной двери.

Одна из них бросает взгляд на Эйр, когда та подходит ближе, потом равнодушно отворачивается и возвращается к своему занятию. На гаражной двери уже красуется слово «СДОХНИ», выведенное жирными буквами кислотно-розового цвета.

– Вы тут живете? – миролюбиво интересуется Эйр.

– Чё? – переспрашивает одна. У нее иссиня-черные кудри, в ушах золотые серьги, а на шее татуировка с черепом. Эйр убирает пакетик с метадоном во внутренний карман и застегивает куртку.

– Это *ваш* гараж?

Девчонки смотрят друг на друга, мысленно оценивая ситуацию.

– Да, *наш*, – отвечает одна.

Эйр достает из кармана мобильный, но когда включает его, батарейка разряжается окончательно. Она разочарованно вздыхает.

– И что, если я пойду позвоню в дверь, то мне ваша мамочка откроет?

Вторая, поджарая и мускулистая, с бритой башкой и большим драконом на толстовке, начинает нарезать вокруг нее круги. Боковым зрением Эйр замечает, что она вытащила нож и спрятала его в руке.

– А ты бы не лезла не в свое дело, если не хочешь получить, хренова... – шипит девица и делает выпад вперед.

Эйр не дает ей закончить фразу, врезав локтем прямо в лицо. Та валится навзничь, теряет нож и хватается за нос. Тогда та, что с черепом, набрасывается на Эйр и тянет ее назад. Эйр достает до ее руки и перебрасывает через себя, так что девица ударяется головой о тротуар.

– Ты мне, блин, нос сломала, – хрипит девчонка с драконом с противоположной стороны улицы. Эйр оборачивается к ней, та стоит склонившись вперед и прижимает рукав толстовки к носу.

– Совсем, на хрен, сдурела, – скулит она.

Эйр крепко хватается за руку и уже собирается оттащить на тротуар, когда сзади налетает девица с черепом. На этот раз она бешено размахивает зажатым в руке баллончиком с краской. За это время девица с драконом успевает подобрать с земли нож, но Эйр хватается за запястье, нож снова падает, и ей удается отпихнуть его подалее, под одну из припаркованных машин.

Она бросает девицу с драконом рядом с гаражной дверью, но замечает, что за ней наблюдают. За занавеской в темном доме, стоящем рядом с гаражом, стоит девчонка того же возраста, что и те две, с которыми она только что дралась. Зажигается свет, и в окне появляется женщина постарше в накинутом на плечи халате.

Женщина оттирает девчонку от окна и начинает звонить по мобильному, движение губ выдает, что она просит соединить ее с полицией. В ожидании ответа она пугливо поглядывает на улицу.

Эйр потягивается, делает глубокий вдох и пытается вернуться в состояние равновесия. Она стирает кровь с треснувшей губы, засовывает руки в карманы и идет дальше.

2.

На следующее утро, когда Санна отправляется на машине к старому известняковому карьеру в восточной части острова, земля покрыта тонким налетом инея.

Гигантский кратер наполнен стоячей водой бирюзового оттенка. У кромки воды уже примостились машина «Скорой помощи», пикап спасательной службы и полицейский автомобиль с распахнутыми дверями. Спасатели возятся со своими резиновыми комбинезонами, пытаются сложить их на ветру, чтобы потом запихнуть в багажник пикапа. На носилках в открытом мешке для трупов лежит тело девочки. Кто-то осторожно поправляет, убирая в чехол, ее длинные рыжие волосы.

Санна припарковалась и вылезла из машины. Земля кажется онемевшей под ее сапогами, повсюду меж корней и булыжников виднеются кроличьи норы. От летних купальщиков остался разбросанный по земле мусор. Пластмассовые столовые приборы, обертки от мороженого и треснувшая бутылка из-под вина. До нее доносится шум моря, накатывающего волны на прибрежные камни в нескольких километрах отсюда. На этом острове ты слышишь его повсюду, где бы ни находился.

Карьер – излюбленное место для купания. В отличие от мелководных бухточек, где всегда толчея, в него с легкостью можно занырнуть в поисках приятной прохлады. Впрочем, в остальное время года это место заброшено и пустынно. Кроме лежащего на земле мусора о присутствии людей напоминают лишь мостки с ржавой лесенкой и две крошечные кабинки для переодевания, притулившиеся за рощицей.

Санна понуро смотрит на тело, лежащее на носилках. Издалека девочка выглядит маленькой и совсем худой, ее ноги раскинуты, как у мертвой птички.

Комиссар криминальной полиции Бернард Хельквист вылезает из своего автомобиля, взглянув на нее лишь мельком. Санна вспоминает, как раздраженно звучал его голос по телефону. По утрам он всегда в дурном настроении, и сегодняшнее утро исключением не стало. Высокий, мускулистый, широкоплечий комиссар переминается с ноги на ногу, обхватив себя руками, чтобы хоть немного согреться. В уголке рта торчит сигарета, зажатая меж тонких губ. Только высосав весь никотин до капли, он небрежно роняет окурочек на землю. Сузив глаза, он щурится на нее и коротко кивает в знак приветствия.

– И надо же этому было в воскресенье случиться, – произносит он. – Я сегодня матч собирался смотреть.

– А где остальные? – интересуется Санна.

– Йон был здесь, но уже уехал. Делать-то особо нечего. Не стоило тебе звонить, могла не приезжать. Но нам надо было вытащить ее из воды, чтобы убедиться, что это самоубийство.

– Я все равно ничего особенного не делала.

Он улыбается ей, потом проверяет время, взглянув на мобильный.

– Нам известно, кто она? – спрашивает Санна.

– Зовут Мия Аскар. Четырнадцать лет, скоро должно было пятнадцать исполниться. Официально мы ее еще не опознали, но мама приходила в управление несколько дней назад. Заявила об исчезновении дочери. У нее при себе было фото, и описала она ее очень подробно. В общем, я не сомневаюсь, что это она. Черт бы подрал этих современных подростков-эгоистов.

Санна резко вскидывает на него взгляд.

– Ладно, ладно, – бормочет он. – Прости. Но хоть немножко я могу позлиться. Это же младший внук, да еще его первый выездной матч.

– Совсем скоро сможешь смотреть футбол целыми днями. Всего две недели осталось.

– Знаю я. Вряд ли они так уж быстро пролетят.

Санна вздыхает.

– А как же криминалисты?

– Так ведь самоубийство.

– Но они приедут?

– Они сейчас в северной части острова. Проникновение со взломом в одно из зданий старой военной базы. Но даже если б они не были заняты, ты не хуже меня знаешь: на такое дерьмо они больше не ездят.

Санна старается подавить раздражение: Бернард всегда называет самоубийства дерьмом. Может, потому, что они становятся все привычнее на острове, а может, потому, что полиция на такие вызовы приезжает теперь с единственной целью – прибрать и вывезти мусор.

– Нет, ну если ты настаиваешь на том, чтобы мы с ними ссорились и требовали, чтобы они приехали... – начинает он недовольно.

– Перчатки дашь? – она не глядя протягивает руку.

Он достает из машины коробку, кидает ей и ухмыляется:

– Черт, что ты без меня делать-то будешь?

Санна ничего не отвечает. Бернард поправляет потертый ремень на широких вельветовых брюках и следует за ней к мосткам.

– Ее один собачник заметил, когда своего пса тут выгуливал, – поясняет он. – Лежала на поверхности воды в самом глубоком месте. Бедняга до полусмерти напугался. Решил, что озерную деву² увидал.

– Он что, живет где-то поблизости?

– Нет. Тут никто поблизости не живет. Он сказал, что вывозит иногда сюда собаку на прогулку.

На девочке, лежащей на мостках, из одежды одни только поношенные джинсы. Волнистые рыжие волосы липнут к щекам, плечам и груди и похожи скорее на еще один слой кожи. Во всем ее облике чудится какой-то покой. Если бы не посиневшие губы и не растопыренные, застывшие в окоченении пальцы ног, можно было бы подумать, что она забылась глубоким сном.

Санна натягивает перчатки, обходит тело и начинает осматривать руки девочки. Ни царапины, ногти чистые и аккуратно подстрижены. Она осторожно разворачивает кисти запястьями вверх и видит следы порезов.

– Эй, я слышал, ты опять отказалась от завидного предложения, – произносит вдруг Бернард.

– У Йона просто сестра работает в том новом агентстве недвижимости, – поясняет он, не дождавшись от нее ответа. – Так что все в курсе, что ты опять отказалась от нескольких миллионов за участок...

– Люди вообще много болтают.

– Может быть. Но разве это так уж плохо? – Санна вскидывает на него раздраженный взгляд. – В смысле, отпустить прошлое.

– Я отпустила.

– Да, но ты же до сих пор...

– У меня есть все, что мне нужно, – обрывает она его на полуслове.

Бернард щурит глаза на ярком солнце.

– Ну да, ты знаешь, что я об этом думаю, – отзывается он.

Порезы на запястьях девочки ровные и глубокие. В один из них забилося что-то вроде ржавчины, но когда Санна прикасается к ней, та осыпается, как песок.

– Скоро день рождения Эрика, – произносит она и замечает, как Бернард сразу скис.

² В скандинавском фольклоре озерный дух, который, как правило, предстает в образе молодой женщины. В отличие от русалки, у нее может не быть рыбьего хвоста.

– Да, точно. Ему бы сейчас четырнадцать исполнилось?

– Пятнадцать.

Бернард криво улыбается. Санна аккуратно кладет руки вдоль тела девочки.

– Мы ему всегда обещали, что будем учить его водить мопед там, на дорожке, которая ведет к дому, и в этот день рождения он сможет сдать на права – продолжает она. – Патрик даже купил «Дакоту», когда он родился, и сам ее усовершенствовал.

– «Пач Дакоту»? Классика.

Санна молчит.

Бернард заговаривает снова:

– Знаю я, это чертовски ужасно. Но он не вернется, ты же понимаешь. Ни он, ни Патрик. А ты не старуха и не страшилище, еще могла бы кого-то встретить. Неужели ты думаешь, что твой парнишка был бы против? Чтобы ты двигалась дальше?

Санна продолжает молча обследовать тело девочки.

– Одно я, во всяком случае, точно знаю, – не сдастся Бернард. – В том доме его уже точно нет. И, держась за все это в попытке сохранить ощущение их близости, ты врешь сама себе. Если хочешь моего совета, так окажи себе услугу и продай дом. Двигайся дальше.

Она осматривает лицо девочки, но не находит никаких признаков насилия. Далее взгляда ее начинает блуждать по сторонам, исследуя землю вокруг тела. Ничего, даже ни одного насекомого.

– А бритву нашли? Или то, чем она это сделала?

Бернард принимает враждебный вид.

– Здесь больше делать *ничего*. Осталась одна бумажная работа и разговор с семьей. Если только ты сама не хочешь понырять и поискать бритву.

Подходит один из спасателей и останавливается рядом в нерешительности, не зная, к кому из них следует обратиться.

– Что там еще? – потирает его Санна.

– Просто хотел сказать, что вот это мы трогать не стали, – он указывает на волосы девочки. В рыжих локонах запутался кусок толстого шнура из туго сплетенных хлопковых волокон. Он обвивается вокруг чего-то, по виду напоминающего черную резинку. Хотя длиной шнурок всего пару десятков сантиметров, каким-то образом он смог накрепко запутаться в волосах на затылке.

– Я это просто к тому, что обычно вся дрянь типа водорослей, мусора и всего такого, что прилипает к ним, пока они в воде, обычно сразу отваливается, когда мы их вылавливаем, – продолжил он. – Но эта штука крепко прицепилась. А никого из криминалистов не было, так что...

– Да-да, вам не о чем беспокоиться, – успокаивает его Бернард.

– Вы там ничего такого не видели, от чего это могло оторваться? – спрашивает Санна.

– Нет, – отвечает спасатель. – Но в этом карьере какой только сор не плавает. Это может быть от чего угодно.

– Спасибо, – благодарит его Санна. – А санитарная машина уже едет?

– Да.

– Вскрытие – пустая трата сил и времени, – ворчит Бернард, когда спасатель убегает дальше.

– Ты же знаешь, что в таких случаях оно всегда делается.

Он косится на талию девочки. Там, над самым поясом джинсов, кто-то вывел на коже число 26. Синие чернила потускнели, как будто надпись была сделана давно. Или как будто кто-то пытался ее стереть.

– Тебе это о чем-то говорит? – интересуется Санна.

Бернард мотает головой.

– Но похоже на фломастер. У меня внуки себя фломастерами разрисовывают, как только они им в руки попадают. Потом никакими силами не ототрешь. Даже если стирать при 95 градусах. Так что она наверняка чем-то таким себя разрисовала.

Санна вновь разворачивает к себе руки девочки.

– Она это не сама сделала.

– Конечно, сама, – устало возражает он. – Она себе вены порезала. Ты же видишь. Хватит уже.

– Я не про *это*. Я говорю, что она не сама на себе *вот это* написала. У нее ни пятнышка ни на пальцах, ни на ладонях. И...

Она переходит на другое место и встает у девочки в ногах. Бернارد следует за ней.

– Это кто-то другой написал. Кто-то, кто стоял напротив нее.

– Ну хорошо-хорошо, – сдается Бернارد. – У нее наверняка был парень или приятель какой-нибудь, вот он это и сделал. Но это все равно остается самоубийством.

– Ну так что, мы закончили? – спрашивает он, не дождавшись ее ответа.

– А Экена поставили в известность? – отвечает она вопросом на вопрос.

– Да, – Бернارد изображает на лице безрадостную улыбку. – Он так обрадовался, когда я его разбудил, чтобы рассказать о самоубийстве девочки-подростка.

– Ты же знаешь, мы должны ему сообщить.

– У него последняя неделя отпуска. Он, блин, в десятках тысяч километров отсюда.

– Я думаю, телефоны есть даже там.

– Он уже через пару дней вернется. Все равно сейчас он ничего сделать не может.

Санна понимает, что он прав, она препирается просто потому, что может. Эрнст Экен Эрикссон – это их шеф. Его любят. Побаиваются. Уважают. Год назад у него начался артроз, потом он снова вернулся к работе, но некоторые движения ему все еще даются с трудом. Отпуск в теплых странах, где он может поправить себе здоровье, – это первый для него за последние десять лет настоящий перерыв в работе. Вообще-то на время его отсутствия им надо было прислать кого-то с материка, но так никто не делает.

– Ладно, – произносит Бернارد, устало улыбнувшись. – Я понял. Ты пошутила. Но как по-твоему, может, закончим уже со всем, чтобы хоть остаток воскресенья провести нормально?

Вид у него прискорбный, думает Санна. Глаза мутные, щеки обвисли. Ему лишь бы смыться отсюда, и так уже несколько лет продолжается. Он потерял азарт и интерес.

Окинув взглядом местность, она замечает морского ястреба, взлетевшего с крупного, похожего на банку предмета, который установлен на высоком деревянном столбе по ту сторону карьера.

– Это же камера наблюдения.

Бернارد щурится в сторону камеры.

– Кто-нибудь с нее номер списал? – спрашивает Санна. – Проверил, что там на записи?

– Что? Это, наверно, с купального сезона, вряд ли она сейчас работает.

– А если вдруг работает? Тогда по ней можно увидеть, как именно все произошло.

– Да что за... Ты что, шутишь?

– И кстати, вы какую-нибудь предсмертную записку или сообщение нашли? Если она с собой покончила, то могла что-то такое оставить в надежде, что это найдут.

– Ничего.

– И мобильного нет?

Бернارد со вздохом мотает головой.

– А ты или кто-то другой ее «Фейсбук»³ проверяли? Инстаграм? Еще что-нибудь?

³ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

– Мы все соцсети прошерстили, когда ее мать к нам пришла. Вообще-то она нам их и показала. Никаких обновлений за последние пару дней, никаких зацепок. И друзей-то толком почти нет. Печально.

Санна замолкает и задумывается о чем-то.

– А у кого-то из членов семьи судимости были? Это вы проверили?

Бернард снова вздыхает, еще более раздраженно и подавленно. Потом отдает ей свой блокнот, складывает руки на груди и направляется к камере на столбе. Приблизившись к ней, он останавливается и рассматривает приделанную к столбу ржавую лесенку, потом наконец берется за нее и ползет вверх.

– Фу-ты, черт, как же хорошо будет от тебя избавиться, – ворчит он с кривой ухмылкой, вернувшись обратно. А потом шлепает Санне на ладонь металлическую табличку с комбинацией цифр.

– Простите?

Оба оборачиваются, позади, чуть ссутулившись, стоит женщина лет тридцати со вспухшей разбитой губой и вопросительно смотрит на них.

– Санна Берлинг? – женщина протягивает руку. – Я Эйр Педерсен. Ваша новая напарница.

Женщина, которой предстоит занять место Бернарда после его ухода на пенсию, выглядит совсем не так, как того ожидала Санна. Она представляла себе лощеного, ухоженного бюрократа. А у Эйр вид такой, словно она ночевала под мостом на драной картонке. В передрыгах она точно бывала. Эйр стоит перед ними, переминаясь с ноги на ногу, словно от нетерпения. В ней сквозит какая-то излишняя самоуверенность.

Ее взгляд изучает местность, пока тело Мии Аскар грузят в машину и та трогается с места. Бернард на своем автомобиле пристраивается сразу позади санитарной машины. Санна собирается спросить у Эйр, что она делает тут сегодня, ведь первый рабочий день у нее только завтра, но в итоге оставляет эту идею, чтобы избежать лишних разговоров. Когда они общались по телефону недели две тому назад, Эйр говорила очень спокойно и взвешенно, но сейчас, при личной встрече, впечатление производит прямо противоположное. Походка у нее дерганая, стоптанные ботинки кое-как завязаны, а на одежде пятно, как будто она на себя что-то пролила, а может, это брызги морской воды так высохли.

Бывший ее начальник на материке и правда говорил, что Эйр «никогда не сбавляет ход», вот только забыл добавить, что вид у нее такой, как будто по ней смирительная рубашка плачет. Вместо этого он сообщил, что Эйр – дочь известного юриста и дипломата. Скорее всего, чтобы немного сгладить впечатление, когда она к ним лично заявится. Как будто можно сгладить впечатление от этого недоразумения, если у тебя перед глазами уже нарисовался образ благовоспитанной девочки в кабинете с тяжелыми шторами и дорогой темной мебелью из красного дерева.

– Надеюсь, вы не против, что я заявила сюда, – произносит Эйр. – Я заехала в управление, и мне сказали, что вы здесь. Мне разрешили взять одну из машин, ну я и подумала, а почему бы и нет. Ну, вы понимаете...

– Я думала, вы прибыли вчера с вещами на грузовике.

– Ну да, и что?

– Странновато заступать с воскресенья, ну то есть почему вам было не дожждаться понедельника?

Эйр ничего не отвечает.

– Вы разве не должны сначала пройти вводный курс в управлении? – добавляет Санна.

– Завтра с утра пораньше и пройду. А криминалистов, значит, нет? – отмечает Эйр. – Самоубийство?

– Вероятно.

– В управлении сказали, что это девочка-подросток.

Санна кивает вместо ответа.

– От меня что-то требуется? – интересуется у нее Эйр.

– Можем этим завтра заняться.

– По правде, я бы с удовольствием сделала что-нибудь прямо *сейчас*. Чувствую, что меня энергия переполняет, – отвечает она, чертя полосы по земле краем ботинка. Санна предпочитает проигнорировать ее слова.

– Или, может, дадите мне доступ к документам, чтобы я посидела с другими делами, которые вы ведете? – продолжает настаивать Эйр.

Санна вздыхает, утомившись от этого непростого, фонтанирующего энергией и слегка непонятого существа, неотрывно следующего за ней по пути к машине.

– Что такое? – язвительно усмехается Эйр. – Бойтесь, что влезу и сделаю все лучше вас, что ли?

– Нет. Но у меня нет времени развлекать вас сегодня.

– Что, простите?

– Я справилась о вас, когда узнала, что вы замените Бернарда. Высшее общество. Школа-интернат. Избалованная, неуправляемая. Полицейская академия. Своенравная, тяжело идет на контакт, хотя результаты блестящие. Национальный отдел расследований. Избалованная, сложно срабатывается в команде.

Эйр вздыхает с унылым видом.

– Да ладно вам, – начинает она. – Мы же можем пойти кофе вместе выпить, поговорить, познакомиться поближе...

– Завтра увидимся.

– Вот ведь стерва, – бормочет Эйр Санне вслед, когда та направляется к своей машине.

– Что вы сказали?

– Ничего.

Открывая дверцу, Санна прокручивает в уме все обещания, которыми начальник Эйр ее осыпал. Будь что будет, решает она.

– Мне просто интересно, а чего вы тогда меня выбрали? – выпаливает Эйр, догнав ее. – Раз уж знали вот это все?

– У меня выбора не было.

– То есть?

– *Выбора* у меня не было.

– Не было?

– Нет. Больше никто не подал заявку.

Эйр хихикает.

– Это что, очень смешно?

– Да, потому что я ни хрена не собиралась у вас тут работу искать. Это мой босс за меня сделал. Просто сказал, что послал заявку. Да, я этому козлу никогда не нравилась.

Она почти сразу жалеет о сказанном. Лицо Санны озаряет довольная улыбка.

– Не нравилась? – повторяет она. – Как же это *вы* могли ему не нравиться?

Эйр легонько барабанит пальцами по бедру.

– Я тут вот чего подумала, – произносит она.

– Что же?

– Если это самоубийство, как она сюда добралась? Тут ни велика, ничего другого, а до шоссе отсюда хрен знает сколько.

Санна кивает. Лес, стоящий кругом карьера, кажется вдруг дремучим и темным. Прежде всего он густой и непролазый. А единственная лесная дорога, которая сюда ведет, такая длинная, что идти по ней пешком пришлось бы слишком долго. Она вытаскивает свой мобильный.

– Да, это я, – произносит она, как только Бернард отвечает. – Мне очень жаль, но тебе придется развернуться и приехать сюда снова. Нам нужно тут все обыскать. Девочка должна была как-то сюда попасть. Бери Йона или кого найдешь. Потом позвони мне.

За время телефонной беседы у Эйр напрягаются плечи, а щеки успевают раскраснеться от холода.

– Пошли.

– Куда мы? – удивленно спрашивает Эйр и улыбается ей.

– Я сама собиралась это сделать. Но ты садись в машину и поезжай за мной.

Это словно выстрел в упор. Ее тело будто распадается на части в нарядной прихожей, когда Санна и Эйр просят Лару Аскар сопроводить их на опознание тела дочери. Это высокая женщина с красивыми чертами лица. Волосы такие же огненно-рыжие и волнистые, как у Мии, а глаза темно-синие. Но она вся поблекла от новости. Она опускается на пол, и до приезда врачей они не в состоянии вытянуть из нее ни слова. Когда ее выводят на улицу, она шепчет: «Только не *они*».

3.

Около пяти утра звонит телефон. Еще не до конца проснувшись, Санна слышит собственный крик «Нет!».

Телефон все не замолкает, она нащупывает его в темноте и сонно произносит в трубку:

– Да? Хорошо, еду туда.

Она встает, впотьмах пробирается к стойке с одеждой и зажигает покосившийся торшер. На стойке висят три пары черных брюк, каждая на своей вешалке, а рядом на полу выставлены три пары черных ботинок. Она вытаскивает полиэтиленовый пакет и достает оттуда новую, даже не распакованную, черную футболку.

На стуле лежат вскрытые счета и уведомления, одно из них прислано муниципалитетом. Она уже знает, о чем там речь. Первое пришло пару месяцев назад. Запрещается использование гаража в качестве жилого помещения, ей необходимо представить доказательства того, что в данном случае нет нарушения.

Она обнаруживает, что уже какое-то время сидит, уставившись в зеркальце Эрика. Это одна из немногих вещей, которые остались у нее после пожара. Огонь сожрал почти все. Дом, который они с Патриком отремонтировали ценой огромных усилий, превратился в выгоревшую скорлупку. Для виновного в случившемся пиромана Мортена Унгера это был отнюдь не первый поджог дома, в котором жили дети.

Она трет лицо рукой и переворачивает зеркало, чтобы оно лежало как надо, обратной стороной вверх. Когда она прикасается к нему, боль утраты застывает комом у нее внутри. По Патрику она тоже тоскует, но с ним все иначе. Скорбь померкла уже спустя несколько месяцев. К тому моменту, когда она узнала, что он оставил после себя гараж, его лицо почти стерлось у нее из памяти. Она никогда прежде не слышала ни о старом «Саабе», ни о гараже.

Придя сюда впервые, она обнаружила, что двери заставлены помойными контейнерами. Ржавый замок она срезала болторезом, потом открыла двери, и навстречу ей выпорхнуло целое облако моли, облеплявшей стены гаража изнутри.

Пахло здесь бензином и сыростью. По стенам он намалевал лозунги вроде No gods, no masters ⁴ и «Анархия – это порядок». А рядом изобразил черного кота, закольцованного в форме круга, – спина выгнулась дугой, клыки оскалены. Она его сразу узнала: Патрик изрисовал им не один листок бумаги и не одну салфетку.

⁴ Ни богов, ни хозяев (англ.).

На обшарпанном рабочем столе лежали эскизы, рисунки, заметки и письма к единомышленникам, да еще несколько длинных жалоб в разные инстанции, все бумаги истлели от влаги или были изъедены то ли мышами, то ли насекомыми. Как и лозунги на стенах, их пропитывала ненависть к власти имущим.

Ей никогда не нравился его анархизм. Не помогали даже попытки отнестись к этим его взглядам с юмором или представить, что это та забавная непохожесть, которая их сближает. Тем более что его ненависть к государству окрепла в тот период их жизни, когда он остался без работы, а она только-только забеременела Эриком. В общем, именно тогда, когда он был ей особенно нужен. В итоге все это становилось причиной крупных ссор.

Но вскоре после того, как Эрику исполнился год, Патрик в одночасье прекратил рисовать и писать по ночам и больше не вел политические диспуты за ужином. Она просто приняла это как данность, решив, что новая работа помогла ему оставить все в прошлом.

Обнаружив гараж, она поняла, что на самом деле он просто нашел себе убежище вдали от семьи, где мог спокойно предаваться своим фантазиям. По крайней мере, она называла это именно так – фантазии.

Конечно, она могла бы огорчиться, что у Патрика были от нее тайны, что у него был укромный уголок, о существовании которого она не догадывалась. Но вместо этого она просто переехала сюда жить. Всего за сутки она отмыла стены мойкой высокого давления, убралась, свозила старенький «Сааб» на техосмотр, а потом продала свою машину, в которой жила с тех пор, как случился пожар. Она разместила в гараже свои скромные пожитки, обзавелась кроватью и стойкой для одежды. Унитаз уже был установлен в углу гаража – наверное, Патрик сам постарался, он же был сантехником – а в стену была вмонтирована раковина-нержавейка с краном. Если ей нужно было принять теплый душ, она делала это в полицейском управлении.

Сначала она решила, что останется здесь, пока не доконает автомобиль Патрика. Но тот никак не хотел ломаться. И она осталась насовсем. Так было проще. А теперь надеялась, что у нее есть еще хотя бы пара месяцев до того момента, как муниципалитет пришлет кого-нибудь выселять ее отсюда силой. Еще совсем немного времени, чтобы успеть со всем разобраться. А потом она и машину сдаст в утиль.

В памяти всплывает отрывок вчерашнего дня. Она думает о Мие Аскар. О шнурке, который запутался у нее в волосах. Он обвивался вокруг какой-то резинки, которая, видимо, придавала ему эластичность. Она думает, для чего бы мог служить такой прочный и эластичный шнур, но ей ничего не приходит в голову. Зброшенный карьер очень глубок, прав спасатель: там, на дне, может скрываться все что угодно.

Телефон снова начинает вибрировать, она пускает воду в раковине. Брызгает себе немного на лицо, стягивает футболку и швыряет ее напрямик в мусорное ведро, где уже валяется несколько таких же.

Эйр лежит на кровати без сна, глядя в потолок, на который кто-то наклеил несколько пластмассовых флуоресцентных звездочек. Это наводит на мысль, что до нее квартиру снимала семья с детьми. Эйр крутится с боку на бок, но никак не может уснуть. Она садится в кровати и проводит рукой по жестким взъерошенным волосам.

Чуть в стороне от кровати стоит картонная коробка с ее вещами и гора одежды, высыпавшаяся из большого черного мешка для мусора. Из-под нее выглядывает заляпанный кетчупом бумажный пакет из киоска с уличной едой. Сквозь единственное в этой комнате окно видно дерево с раскидистой кроной. Одна из его веток всю ночь была в окне, впрочем, спать ей не давало нечто совсем другое. Это скорее можно расценить как отвлекающий маневр от всех остальных звуков, которые идут в довесок, когда снимаешь квартиру у частного.

Гораздо более назойливый шум исходит из соседней комнаты, где поселилась сестра. Она знает, что вполне может попросить Сесилию выключить синтетическое треньканье телефона,

но оставляет все как есть. Если сравнивать с тем, что происходило несколько лет назад, когда Сесилия могла исчезнуть на несколько месяцев, а потом объявиться в холодном поту, с до крови расчесанными руками, и просить у нее денег, уж эту головную боль Эйр в состоянии перетерпеть. Лучше бессонный призрак в завязке, который попискивает в соседней комнате, чем пробуждение в ночи от приставленного к горлу ножа, когда младшей сестренке с расширенными зрачками срочно понадобилась наличка.

Никто не виноват в том, что Сесилия стала такой. Что-то пошло не так, когда она была еще маленькой, может, она лишилась точки опоры после того, как мама погибла в автокатастрофе. Эйр размышляет о девочке в известняковом карьере. Ей примерно столько же, сколько было Сесилии, когда та начала принимать тяжелые наркотики: много есть способов спрятаться от внутренних демонов.

Потом она думает о той фотографии, которую показала ей Санна. Той, которую Лара Аскар принесла в управление, когда заявляла об исчезновении дочери. Увеличенная школьная фотография. Ярко-рыжая грива Мии Аскар сияет, контрастируя с традиционным унылым сизым фоном школьной фотографии. Очень милостивая девочка, но вид у нее отстраненный, а улыбка какая-то безжизненная. И все же больше всего поражало, пожалуй, то, как она одета на этом снимке. Зеленое боа, светло-коричневый замшевый жилет на меху, песочного цвета панамы, ковбойские сапоги, солнечные очки с синими стеклами и массивные украшения на шее, руках и в ушах. Как будто только что с киносъема. Человек из другой реальности.

Она начинает вбивать имя Мии Аскар в поисковике, но находит не так много. В основном ссылки на одну и ту же статью. В ней говорится о школьном математическом конкурсе, в котором Мия, ей тогда было десять, одержала безоговорочную победу. В интервью она отвечает на все очень коротко. У нее есть только мама, Лара, у мамы своя фирма. На вопрос, есть ли у нее примеры для подражания в мире математики, она отвечает: «Нет, Гипатия ⁵ умерла». Интерес к наукам и математике ей привил папа Джонни. Он был энтомологом, занимался апиологией, то есть пчелами. На вопрос, гордится ли папа Мией сегодня, она ответила: «Нет, папа умер». На вопрос, собирается ли она участвовать в конкурсе в следующий раз, через четыре года, она ответила отрицательно.

Эйр ищет страничку Мии Аскар в соцсетях. Пролистывает фотографии. Их немного. Да и те, что есть, ни о чем не говорят: водные пейзажи, морские в основном, но есть и несколько с озерами и болотами. Почитав комментарии, она понимает, что друзей у девочки было негусто. Из тех, кто на нее подписан, большая часть – случайные знакомые из сообществ любителей природы и никого из категории настоящих *друзей*. В комментариях они восхищаются пейзажами на ее фотографиях, пишут, как хрупок окружающий нас мир и как пустынно на этих кадрах. *Пустынно*. Эйр быстро прощелкивает одну фотографию за другой. С позиции созерцателя она понимает, что перед ней открывается ландшафт пустынных вод, сомкнувшихся вокруг острова. Пустынных вод, таящих смерть.

Треньканье в соседней комнате внезапно обрывается, и она слышит шлепанье шагов по квартире. На кухне включается кран. Эйр дотягивается до окна и приоткрывает его. Прохладный воздух влетает в комнату, и она делает глубокий вдох. Она в одной футболке и трусах, так что кожа быстро покрывается мурашками, когда Эйр высовывается из окна. Правой рукой она чувствует касание какого-то предмета, лежащего на карнизе, мягкого и нежного как пух. Черный дрозд с ярко-желтым клювом и такими же ободками вокруг глаз, видно, разбился о стекло. Она не может побороть желание дотронуться до него. Тельце ссохлось и затвердело. Словно он и не был никогда живым.

На кухне Сесилия разбирает посудомойку, доставая из нее непарные чашки и тарелки. Сестра красива, но ее отличает излишняя худоба и бледность. Волосы коротко подстрижены,

⁵ Древнегреческая женщина-философ и математик.

почти ежиком, что очень идет ее миленькому кукольному личику. У ног Сесилии разлегся Сикстен, здоровенный мощный ирландский волкодав с косматой коричневой шерстью с черными подпалинами.

– Как ты? – спрашивает Эйр, заходя на кухню.

Сесилия испуганно вздрагивает, а Сикстен поднимается со своего места.

– Прости, я думала, что меня слышно.

Сесилия демонстрирует одну из тарелок, треснувшую, с зазубриной на краю.

– Неужели мы не могли привезти хоть *что-то* свое из кухонных принадлежностей? Даже если ты считаешь, что мы тут долго не задержимся, уж пару чашек и тарелок-то можно было упаковать.

– Ты хоть сколько-то поспала? – спрашивает Эйр с зевком.

– Не знаю. Не особо. А ты?

– Где-то часок.

Они улыбаются друг другу. Такими репликами они обменивались не раз.

– О мое окно разбился черный дрозд, – говорит Эйр.

Сесилия вздыхает.

– Я тоже вчера видела мертвого дрозда, у входной двери. Я думала, они улетают на зиму.

– Там моя одежда? – Эйр указывает на стиральную машину, в которой крутятся мокрые джинсы.

– Да, вся ванная провоняла. Никогда не понимала тех, кому нравится запах моря. От него несет дерьмом.

– Прости, надо было сразу, как вернулась, кинуть их в машинку.

– Тут бассейн всего в двух километрах. Работает допоздна. Даже по твоим меркам.

Эйр пропускает ее слова мимо ушей, включает воду и дожидается, пока не потечет совсем холодная. Потом склоняется над раковиной и делает несколько глотков, после чего оттирает рот и подбородок. Сесилия со стуком ставит рядом с ней треснутый стакан.

– Как все прошло вчера? – спрашивает она. – Видела ее, эту комиссаршу? Разыскала?

– Да.

– Ну и как она?

Эйр пожимает плечами.

– Не знаю. Усталая. Вымотанная.

– И что вы делали? – продолжает расспрашивать Сесилия. – Ну то есть, вы же там обе были в воскресенье.

– Да ничего особенного.

– Ну да...

– Просто кто-то утонул. Ну не то чтобы утонул, технически она себе перерезала...

Эйр останавливается на полуслове, заметив, с каким ужасом Сесилия уставилась на нее.

– Да, – произносит Эйр, смутившись под взглядом сестры, – в мире полно тех, кому охота расстаться с жизнью. Что тут скажешь?

– Может, пропустишь ту часть, в которой утверждаешь, что там не было ничего *особенного*?

Эйр передергивает плечами, у нее нет сил ни на поучения, ни на ссоры. На столе лежит нетронутый пакетик из аптеки, она открывает его и достает бутылочку с метадоном.

– У меня от этой дряни раздражение, – протестует Сесилия. – Всю ногу обсыпало. Смотри!

Она задирает одну штанину и показывает Эйр расчесанную экзему. Краснота тянется по всей голени.

– Полный отстой.

– Я знаю, – отвечает Эйр и обнимает ее.

– Ненавижу все это.

– Но ты знаешь, что тебе нужно его принимать, – произносит Эйр.

Сесилия высвобождается, шмыгает носом и снова принимается разбирать посудомоечную машину. Телефон Эйр, лежащий на кухонном столе, начинает вибрировать. Сесилия подсакивает от неожиданности, роняет тарелку, та падает и разбивается вдребезги.

Санна осторожно вылезает из машины и расправляет одежду. Беззвучно мигающие синие огоньки пляшут по ее лицу, пока она пишет Эйр очередное сообщение: «Это снова я. Где ты?»

Квартал, в котором она находится, расположен у самых городских стен. Роскошные виллы, сады, за которыми ухаживает рука профессионала. Все пропитано единым духом благополучия, несмотря на то что дома построены в разные периоды и принадлежат разным архитектурным стилям. От них веет процветающей и безмятежной защищенностью. Большие окна, красивые двери, широкие подъездные дорожки и величавые деревья с идеально подстриженными кронами притягивают взгляды в довольно заурядном во всем остальном городишке с крошечными домиками и тесными улочками.

Ближайший к ней дом выглядит как настоящая вилла мечты, окруженная изумительным зеленым газоном. Впрочем, сейчас он огорожен сигнальной лентой, а по саду расхаживает несколько ее коллег. В другое время она поспешила бы к ним, но сегодня чувствует себя уставшей. Мысли о девочке в карьере терзали ее с самого пробуждения. И у нее нет никакого желания прерывать их и отправляться в благополучный дом в элитном районе города, где произошло непредумышленное убийство богатой пенсионерки.

В ожидании Эйр она пьет кофе, купленный на бензоколонке. У дежурного, который звонил ей, был осипший голос, он прокашлялся, что ей нужно срочно прибыть на место. Кража со взломом и что-то про труп. Йон Клинга и еще кто-то из коллег уже на месте.

Йон неожиданно оказывается рядом с ней. У его одеколона резкий запах. Спиртовой, с нотками лимона, он накатывает на нее удушливой волной.

– Там просто жуть какая-то, – пыхтит он так, словно ему не хватает воздуха. – Ты чего здесь стоишь? Почему внутрь не заходишь?

Подтянутый, с зачесанными, как сегодня, волосами, он выглядит довольно стильно. И ему это хорошо известно. Он ниже ее по рангу, но ведет себя с ней начальственно. По-доброму. С позиции более сильного. Такими все и представляют себе полицейских, надеясь, что они защитят их от маньяков в белых фургонах, которые только и ждут, как бы кого похитить и убить.

Блестящие охотничьи сапоги – единственный намек на его склонность к крайним мерам в отношении закона и порядка. Мало кто знает, что под полицейской формой на груди у него вытатуирована красная свастика. Он уже пытался свести эту старую татуировку, сделанную в юности. Она видела ее как-то раз, когда он переодевался в управлении, думая, что рядом никого нет. Он заметил, как она тарашится на его грудь, но не успел ничего сказать, прежде чем она снова вышла из кабинета. На следующий день он сделал вид, что ничего не произошло, и поприветствовал ее, как всегда широко улыбаясь.

И теперь вот стоит и улыбается. Непринужденно и доброжелательно, но без теплоты. В руке у него фонарик, который кажется совсем тусклым в брезжащем свете утреннего солнца.

– Бернарда ждешь? – интересуется он.

– Нет, мою новенькую. Сегодня у нее первый день, но я решила, что неплохо, если она будет со мной. Так что я позвонила Бернард и предупредила, что мы сами с ней отработаем здесь.

– Вот как. Кожаная куртка, нечесанные волосы, это, случайно, не она?

Санна оглядывается, но Эйр все еще нет.

– Я ее, кажется, видел в управлении, – поясняет он с небрежной снисходительностью.

– Стояла у стойки дежурного, чем-то там занималась.

По телу Санны пробегает судорога отвращения. Его интонации ясно дают понять, куда он клонит, и Санна знает, что его уже не заткнешь.

– Я о ней мечтаю с того момента, как прилег отдохнуть перед ночным дежурством, – продолжает он, опустив руку на бедро. – Уж я ей показал бы, что значит настоящий мужик.

– Ну хватит!

– Забавно, – протягивает он с ухмылкой. – В моих мечтах она повторяла то же самое. Несколько раз.

– Так что, – одергивает его Санна, – у нас тут кража со взломом? Один труп?

– Убийство, – откашлявшись, отвечает Йон. – Точно убийство.

– *Убийство?* Дежурный по телефону сказал про взлом.

– Это я поначалу, пока не осмотрелся. Думал, что чистая кража со взломом. Место такое, ну и вообще, но...

– Но?

– Сама увидишь. Настоящая резня.

Санна смотрит на дом и начинает жалеть, что не взяла с собой Бернарда.

– И кто жертва?

– Зовут Мари-Луиз Рооз. 74 года.

– Семья есть?

– Детей нет. Мужа не было дома. Мы уже послали людей на поиски.

– Мари-Луиз Рооз, – бормочет Санна себе под нос.

– Да, ты ее знаешь, что ли?

– Имя знакомое.

– Ну о ней писали немного в газетах. В основном потому, что она кучу денег отвалила на благотворительность и всякие там проекты. Например, оплатила строительство нового хосписа, помнишь, там еще история была скандальная с этим новым зданием у лесопилки, когда они получали разрешение.

Санна помнит. Мари-Луиз Рооз была основным благотворителем в составе группы частных жертвователей. Благодаря их усилиям новое современное здание возвели на территории старой усадьбы, имевшей статус культурного наследия.

– У этой денег завались было, – говорит Йон.

– Точно. Антикварные книги. У нее же до недавнего времени был магазин редких книг в центре, да?

– Деньги она зарабатывала в основном на первых изданиях, рукописях и всяком таком, продавала их толстосумам по всему свету.

– Но недолго?

– Нет, вышла из дела, когда все сделки стали заключаться в сети. Но наверху у нее осталась небольшая библиотека.

– Так это могла быть кража со взломом? Ради книг?

– Может, и так, только я в этом не уверен.

– Ее не тронули? Комнату с книгами?

– Похоже на то. Но страховое агентство нам подскажет, если это не так.

– А супруг?

Йон листает свой блокнот, читает что-то, снова листает.

– Франк Рооз. Рано вышел на пенсию.

– А до этого?

– Был геологом.

– Ученым?

– Да, в молодости. Потом консультантом. В основном в музее Форнсален. – Он читает дальше свои записи. – Немного даже в промышленности поработал. Очевидно, на компании, которые пытались получить разрешение на разработку известняка.

Санна задумывается ненадолго.

– В последние годы ведь с этими разрешениями было много протестов и скандалов.

– Да, но тогда он уже на них не работал. Ушел на пенсию лет десять назад.

Санна чешет в затылке и снова смотрит на дом. Краем глаза она видит, что лицо Йона снова приобрело безразличное выражение, как обычно бывает, когда ему больше нечего добавить.

– Пойдем внутрь? – спрашивает она и понимает, что ее ужасно раздражает, что Эйр до сих пор нет на месте.

– А твоя новенькая?

– Да ладно, попросим отправить ее обратно в управление, когда придет. Пусть проходит сегодня вводный курс. Заходим.

Она сминает бумажный стаканчик и засовывает его в карман.

– Хорошо, – отвечает он. – Слушай, а когда она на остров приехала? Забыл, что ты там говорила.

– Ничего не говорила. А зачем тебе?

– Да нет, просто интересно, она уже была тут в субботу вечером?

– Она приехала на пароме утром в субботу. Почему ты спрашиваешь?

– Да нет, ничего такого, скорее всего. Но ты слышала про двух девиц, которых мы на днях забрали?

– Любительниц малевать граффити, что ли? – переспрашивает Санна. – Тех, которые подрались и попали в больницу?

– Они утверждают, что дрались не друг с другом, а с бабой в кожаной куртке, которая на них напала и чуть до смерти не забила.

Санна смеется:

– Я так понимаю, они пришли разукрасить дом девочке, которую до этого травили. Нанюхались, наверное, потом достали ножички и полезли друг на дружку, когда кровь выиграла.

Йон застывает на месте.

Она такое и раньше видела: у него в лице всегда появляется холодок, если кто-то позволяет себе над ним посмеяться. Особенно если этот кто-то женщина.

– Это случилось в Тальдунгене, – говорит он. – А где, кстати, твоя новенькая живет?

Именно в этот момент к ним подходит Эйр. В лучах утреннего солнца она кажется крупнее и мощнее, чем вчера.

– Ты опоздала, – произносит Санна.

– Знаю, – бросает Эйр, проводя рукой по своей взъерошенной шевелюре.

– Йон, – он протягивает руку для приветствия. Она берет ее и настороженно смотрит на него. Ищет какой-нибудь проблеск тепла во взгляде, но так и не находит. – Вы тут новенькая, легко, наверное, заблудиться? Вы откуда шли?

– От Корс-парка.

– Вы хотели сказать Корс-сквера, – поправляет он со смешком и оборачивается к Санне. – Это же прямо рядом с Тальдунгеном. Мы с Санной как раз говорили про Тальдунген.

– Да? – непонимающе отвечает Эйр.

– Ну что, пошли? – обрывает его Санна и направляется в сторону большого огороженного дома.

Остальные следуют за ней. Видно, как в нескольких окнах сверкает фотовспышка. Эйр косится на Йона.

– Когда именно вы получили вызов?

– Примерно в 04:30, – отвечает он. – Соседка вышла за газетой, увидела, что дверь нараспашку, и зашла проверить, все ли в порядке.

– А когда объявили мужа в розыск?

– В 05:00. Я лично это сделал, как только прибыл на место.

Эйр резко оборачивается к Йону.

– Подождите-ка... У вас что, *полчаса* ушло на то, чтобы добраться сюда? У вас тут такой маленький городок, что за тридцать минут его можно кругом объехать.

– Мне кажется, в данном случае это большой роли не играет. Она уже была холодной, когда ее нашла соседка, – отвечает он жестко.

– Это играет *огромную* роль. Если у тебя ночное дежурство и тебя вызывают на убийство, обычно ты бросаешь недосмотренной порнуху и бегом бежишь на вызов. *Или как?*

В ее голосе слышен вызов. Опять эта ее горячность, думает Санна. Какая же она брутальная, агрессивная и абсолютно бесстрашная. Может, Йон и прав? Что, если это и правда она избивала тех девчонок?

– Мы сверимся с тобой еще раз, если понадобится, когда закончим там, – произносит она вслух, обращаясь к Йону. – Вы там ничего не трогали?

– Мы там даже окна не открывали и руками воздух не разгоняли. Хотя удержаться было сложно, потому что воняет сильно. Судден со своими криминалистами провел только предварительный осмотр, насколько я понял.

– Судден все еще там?

– Нет, но он собирался попозже сегодня с тобой связаться. Наверное, стоит тебе рассказать сначала о том, что там случилось...

– Что ты имеешь в виду?

– Соседка, которая ее нашла, все там перетрогала и наследила. Как я понимаю, это сильно усложнило задачу Суддену и его ребятам.

Санна вздыхает.

– А Фабиан?

– Скоро будет на острове. Он уезжал на материк наблюдать за каким-то важным вскрытием, но его самолет вот-вот должен приземлиться, – говорит Йон, демонстративно встав спиной к Эйр. Вместо ответа она вытаскивает у него из руки фонарик.

– Можно я пойду внутрь? – спрашивает она Санну и после короткого кивка напарницы скрывается за дверь.

– У нас здесь раньше бывали дела? – спрашивает Санна, безуспешно роясь в карманах пальто в поисках перчаток. Ей делается немного грустно при мысли, что у Бернарда наверняка нашлась бы для нее запасная пара. Она будет по нему скучать.

– Нет, – отвечает Йон, глядя на дверной проем, в котором исчезла Эйр.

На тротуаре в окружении двух полицейских стоит пожилая женщина в домашнем халате.

– Соседка? – уточняет Санна.

– Ага, – отвечает Йон и бросает взгляд на часы.

– Я скоро вернусь, – говорит Санна и делает шаг в сторону женщины. – А ты пока раздобудь мне перчатки, ладно?

Соседку трясет мелкая дрожь. Она робко сморкается в носовой платок. Ее движения замедленны, на шее и руках хорошо видны синеватые выступающие вены. Санна отзывает одного из полицейских в сторонку.

– Она так у вас скоро совсем заоченеет, проследите, чтобы ей выдали плед, и отведите в тепло. Врачи ее уже осматривали?

– Я не знаю, где они.

– Как это?

– Вот так. Не знаю.

– Ну ладно, – она со вздохом поворачивается к женщине. – Санна Берлинг. Комиссар уголовной полиции. Насколько я понимаю, это вы нашли тело Мари-Луиз Рооз?

Женщина отвечает кивком и пытается улыбнуться. На верхней челюсти у нее зубной протез, но он держится неплотно, и когда она приоткрывает посиневшие губы, кажется, что у нее во рту три ряда зубов.

– Вы не заметили что-то необычное этим утром, помимо распахнутой двери?

Женщина мотает головой.

– А муж Мари-Луиз?

– Франк? – отвечает женщина, пытаясь при этом зафиксировать вставную челюсть языком и не шепелявить слишком сильно. – Вы нашли его?

– Мы отправили патрульные машины на поиски.

– А почему не вертолет?

– Мы редко используем вертолеты. Сверху не так хорошо видно.

Женщина кивает, ее взгляд беспокойно блуждает вокруг.

– У вас нет никаких предположений о том, где он может быть? – спрашивает Санна. – Может, он у кого-то из друзей или родни, кто живет поблизости?

– О чем вы? Франк с трудом может передвигаться самостоятельно!

Минуту спустя Санна вновь оказывается рядом с Йоном. Она без слов берет у него из рук блокнот и что-то записывает туда.

– Вы знали, что муж жертвы прикован к инвалидному креслу и страдает диабетом? – со злостью произносит она.

– Что?

– Отправьте дополнительных поисковых собак и прочешите все кусты и соседние участки по всей округе. У него может быть шок, он может лежать где-то раненый.

Йон кивает с холодной предупредительностью.

– И еще, кто разносит утренние газеты в этом районе, вы с ним или с ней разговаривали?

– Да, он ничего не видел и не слышал.

– Вы знаете, когда в последний раз кто-то видел мужа?

– Нет.

– Выясните. И немедленно отследите его мобильный.

– Хорошо.

– Перчатки?

Она нетерпеливо протягивает руку и оборачивается, чтобы посмотреть на людей в саду, встав при этом прямо перед ним. Из-за этого он может разглядеть, на что она смотрит, только вытянув шею, при этом он еще и должен вручить ей две пары латексных перчаток.

– Я спросила у одного из ребят, успели ли они записать имена и телефоны всех, кто стоит здесь и глазеет на происходящее, но ни у кого даже блокнота при себе не оказалось, – произносит она.

– Хорошо. Я об этом позабочусь.

– И вызови сюда врачей как можно скорее.

Он бормочет, что постарается. Она разворачивается и идет к дому, чувствуя, что спиртовой запах его лосьона после бритья глубоко засел у нее в горле. Она делает глубокий вдох и прокашливается, но это не помогает.

Прихожая в доме выкрашена в теплый голубовато-серый цвет. На одной из стен висят картины в рамах, написанные маслом. На другой – большой барельеф из керамики. Почти у самой двери стоит изящная напольная ваза, которая служит подставкой для зонтиков, а рядом с ней пара измазанных глиной резиновых сапог.

Блестящий мраморный пол отражает все эти предметы искусства. После воя сирен на улице здесь непривычно тихо.

У стены на столике выставлена серебряная чаша. Из нее выглядывает деревянная ручка, на конце которой закреплен испещренный мелкими отверстиями серебряный шар. Кропило. Санна удивляется, зачем держать дома такую странную церковную утварь, видимо, это тоже предмет из их коллекции. Почти сразу она замечает конверт, который лежит прямо под кропилом. Он набит купюрами. Она различает медного цвета оттиски с портретом Дага Хаммаршёльда⁶ – там, наверное, несколько тысяч крон. Она натягивает перчатки и аккуратно приподнимает конверт, чтобы посмотреть, не написано ли на нем что-нибудь, но он абсолютно чистый. Под конвертом, на дне серебряной чаши, лежит несколько сложенных вдвое сотенных банкнот, на которые наклеен желтый стикер с выведенной на нем буквой «В» и нарисованным цветком.

Она так же аккуратно кладет конверт на место и пишет эсэмэску Суддену с просьбой, чтобы он или еще кто-то из криминалистов изучил все это.

Стоит только переступить порог гостиной, как в нос ударяет спертый тяжелый запах крови. Санна протягивает Эйр вторую пару перчаток.

– Спасибо. Ты там с соседкой говорила? Я через окно видела.

– Да. Ничего особенного она не сказала. Только что муж жертвы прикован к инвалидному креслу.

– Я так и поняла, – говорит Эйр, поправляя бахилу на одной ноге и указывая кивком на фото супружеской четы в рамочке. Мужчина сидит в инвалидном кресле.

Санна окидывает комнату внимательным взглядом. Все предметы аккуратно разложены по местам.

Никто здесь не рыскал, не рылся в ящиках комода, не искал спрятанных за картинами сейфов. Йон прав, это не обычная кража со взломом. Да и был ли вообще взлом?

Беспорядок в комнате сосредоточен в том месте, где стоит диван. На нем лежит тело, а под телом расползлась огромная темно-красная лужа. По всей комнате расставлены прозрачные пластиковые панели, которыми пользуются криминалисты, чтобы не наследить на месте преступления. Но между панелями отчетливо видны отпечатки ног, оставленные в крови рядом с телом жертвы, их цепочки ведут то в один, то в другой угол комнаты, от двери к дивану и обратно. Мелкие следы, беспорядочные, торопливые.

– Йон Клинга упоминал, что соседка ходила тут до вашего прибытия, – говорит Санна, обращаясь к молодому криминалисту в белом комбинезоне, который собирает оборудование. – Вы полностью уверены, что все следы принадлежат одному и тому же человеку?

Криминалист кивает в ответ, он почти не смотрит на нее.

– Она запаниковала и носилась по всей комнате. Бедняжка... – продолжает Санна. – Что вы еще нашли?

– Много чего. Но, скорее всего, ничего пригодного к работе. Все испачкано или переставлено.

– Ясно, – вздыхает Санна. – Я потом еще пообщаюсь с Судденом.

Криминалист забирает свои вещи и выходит из комнаты. Фотограф из бригады криминалистов роняет штатив. Это девушка невысокого роста, она тоже собирается уходить. Санна ее, кажется, раньше не встречала, но сил знакомиться у нее сейчас нет. Девушка робко улыбается, прежде чем забрать аппаратуру и оставить их одних в комнате.

– Можешь дать короткую версию того, что нам известно на этот момент? – спрашивает Эйр.

⁶ Портрет Дага Хаммаршёльда изображен на банкнотах номиналом в 1000 шведских крон.

– Ее зовут Мари-Луиз Рооз, пенсионерка, в прошлом владела известным в городе букинистическим магазином, скупала по всему миру старинные дорогие книги. Много тратила на разные проекты, например пару лет назад на строительство хосписа рядом с городом. Много делала для детей, как я слышала. Из того, что я о ней читала: она сама родилась на острове, но с мужем своим, Франком Роозом, познакомилась на материке. Детей нет. Муж сейчас пропал, и мы его разыскиваем. Как я сказала, он инвалид-колясочник и диабетик. По профессии геолог, до выхода на пенсию работал с разрешениями на добычу известняка здесь на острове, но в основном в качестве консультанта на Форнсален ⁷.

– Форнсален?

– Культурно-исторический музей.

Эйр задумывается.

– Каменный век, викинги и прочее дерьмо? – уточняет она.

– Да.

– Значит, старые камни и старые книжки. Вряд ли их часто звали на вечеринки.

– Мари-Луиз Рооз наверняка приглашали не на одну вечеринку. Она была миллионершей. Не один миллион сколотила.

– На старых книжках?

– Да, на старых книжках.

– То есть она была богата. И ее деньги могут быть мотивом?

– Возможно. Собрание книг хранится где-то в доме. Но Йон утверждает, что ничего, похоже, не пропало.

– На двери не было никаких следов взлома. Я проверила, когда входила, – произносит Эйр сквозь стиснутые зубы.

– Дверь могла быть не заперта. Не такая редкость в этом районе.

– Или она впустила в дом кого-то, кого знала.

Эйр вполне может быть права. Тот факт, что ничего не украдено и дверь не повреждена, указывает на одно – преступника надо искать среди близких знакомых жертвы. Есть надежда, что выяснить, кто же здесь побывал, удастся сравнительно быстро.

– С другой стороны, все ведь случилось поздней ночью? – продолжает Эйр свои рассуждения. – Кому, блин, придет в голову навещать старушку-пенсионерку посреди ночи?

– Дама, живущая по соседству, сказала, что часто видела по ночам синий отсвет у них в окнах. Мари-Луиз подолгу не ложилась и смотрела телевизор сильно за полночь. Может, это был тот, кто знал, что она не спит в такое время?

– Хорошо. Но эта ее соседка ничего не видела и не слышала сегодня ночью?

– Не больше того, что сейчас видим мы. И никаких других свидетельских показаний у нас пока нет.

Санна медленно подходит к дивану. Перед ее глазами чудовищная картина произошедшего. Мари-Луиз Рооз, тщедушная семидесятичетырехлетняя старушка, лежит, свесив одну руку с дивана, другая ее рука вытянута вдоль тела. На ней синее кимоно, которому, похоже, много лет. Шелковая ткань с вышивкой нарядным покрывалом укутывает тело. Лишь на груди кимоно грубо порвано: некий острый предмет насквозь продрал ткань и человеческую оболочку. Кимоно стало сосудом, наполненным темной жижей.

На горле зияют две раны. Одной, глубокой и протяженной, жертве перерезали горло. Другая, покороче, пересекает первую под углом. Крестом.

Серо-сизые волосы Мари-Луиз обрамляют лицо. Кожа бледная и бескровная. Лоб высокий, изборожденный мелкими морщинами. Щеки ввалились, словно из нее выкачали весь

⁷ Старое название Музея Готланда, где хранится большая коллекция археологических находок, сделанных на острове.

воздух. Волевой подбородок отбрасывает острую тень на израненное горло. Глаза плотно сомкнуты.

Санна бросает взгляд на телевизор, стоящий напротив дивана. Рядом с ним лежит раскрытая коробка от диска. Документальный фильм о певице Алис Бабс «Алис и я».

– Я не стала осматривать ее без тебя, – поясняет Эйр и направляет свет фонарика на лежащее тело. – Приступим?

Санна кивает. Эйр осторожно подходит к дивану, переставляет одну из пластиковых панелей и встает на колено перед свисающей с дивана рукой Мари-Луиз Рооз. Склонившись над ней, она светит фонариком на кисть руки. Кожа совершенно чистая, без единой царапины. Но продолжение осмотра показывает, что выше рука покрыта порезами.

– Она даже не успела оказать сопротивление, – произносит Эйр. – Только попыталась защититься.

Санна кивает. Эйр поднимается на ноги и указывает на горло жертвы.

– Мы можем предположить, что сначала он сделал вот это. А потом начал ее кромсать.

Порезы на руках. Глубокие колотые и резаные раны на груди. Их слишком много. Жертва подверглась зверскому нападению. Кто-то бил, кромсал, колол Мари-Луиз Рооз в неистовом безумии, стремясь лишить ее жизни.

– Детей у нее нет, муж инвалид. Блин, кто же мог ее настолько сильно ненавидеть, чтобы такое сотворить? – произносит Эйр.

Санна сокрушенно мотает головой и делает глубокий вдох. Единственный человек, который мог бы ответить на этот вопрос, исчез без следа.

– Мы должны найти ее мужа, – отвечает она.

Она звонит по телефону. Когда на том конце отвечает Йон, Санна отдает ему распоряжение привлечь к поискам самую крупную добровольческую поисковую организацию. Чтобы найти Франка Рооза, им нужно задействовать любую возможную помощь.

Закончив разговор, она некоторое время стоит молча и рассматривает лицо Мари-Луиз. Посеревшие морщинистые губы. Прямой нос, который из-за проступивших с одной стороны бурых пигментных пятен кажется искривленным, как будто сломанным. Воспоминание о вчерашнем дне, о юном безжизненном лице Мии Аскар, внезапно кажется ей бесконечно далеким.

Она оборачивается, уловив небольшой сквозняк, и замечает коридор, ведущий куда-то из гостиной.

– Пойду поищу книги, – бросает она Эйр.

Коридор узкий, там совсем нет дневного освещения. Его заменяет несколько тусклых настенных светильников. На стенах темно-зеленого цвета висят многочисленные картины. Что-то в золоченых рамах, но по большей части рамы красного дерева и довольно старые с виду. Коридор такой длинный, что, кажется, он никогда не кончится.

Когда Санна наконец доходит до конца коридора и готова ступить в следующую комнату, она вдруг замечает на стене написанную маслом картину. Она висит чуть ниже уровня глаз и легко могла бы затеряться среди остальной коллекции. На первый взгляд в ней чудится некий налет романтизма. Семеро босоногих ребятишек выстроились в ряд на летней лужайке или чем-то вроде того. Окружающий их пейзаж выглядит загадочным, почти сказочным. Но лица детей говорят о чем-то ином. Все они в масках разных животных. Здесь есть свинья, павлин, осел, собака, коза, лиса и волк.

От вида лисьей маски ее охватывает омерзение. Она до неприятного подробно прорисована и, как и некоторые другие животные на картине, мерзко ухмыляется. Глаза глубоко посажены и подведены черным. Ее поражает, что морды животных выглядят состаренными и огрубевшими, тогда как детские тела изображены нарочито пухлыми, с розовым младенческим румянцем. Разглядывая картину, она обращает внимание и на то, как на ней выписан свет. Он кажется жгучим и ярким, как если бы небо, нависшее за детскими спинами, пылало огнем.

В маленькой библиотеке, которой оканчивается коридор, стоит мрак. Ей приходится на ощупь искать на стене выключатель. Все здесь в идеальном порядке. Переводы псалмов, которые точно насчитывают несколько сотен лет, первые издания знаменитых романов и масса других книг. Корешки многих из них выглядят блеклыми и невзрачными. Не будь защитных стекол с цифровыми замками и сигнализацией на каждой полке, вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову, что эти книги стоят немалых денег.

Темно-зеленая штора скрывает один из углов комнаты, свисая от потолка до самого пола, и оттуда чуть тянет ветерком. За ней скрывается французское окно, ведущее прямо в сад. Кто-то в округе рано встал и разжег костер из листьев и веток, Санна чувствует сухой затхлый запах и слышит потрескивание близкого костра.

Она выходит в сад на пожухлую лужайку. В отличие от парадной части сада, примыкающей к фасаду дома, эта совсем невелика. По периметру она обсажена туями и кустистой сиренью, которые скрывают этот участок сада от посторонних глаз. Но кое-где из-за засохших ветвей в живой изгороди успели образоваться дыры, достаточно большие, чтобы сквозь них смог пробраться взрослый мужчина. Она стоит прямо на линии отступления преступника.

Сверху слышится скрип открываемого окна. Единственный дом, из которого виден этот кусок сада, – соседский, и вот теперь соседка стоит у окна и смотрит на нее.

– Вы не могли бы попросить их перестать палить листья? – кричит она.

Она смотрит на ее лицо против света. Плечи опущены, шея теряется в складках кожи.

– Вы точно совсем ничего не заметили утром в саду? – спрашивает Санна.

– Нет, – отвечает соседка.

– Может, что-то слышали? Хоть что-нибудь?

– Нет. Ничего. А не то я бы вам рассказала.

Санна кивает и идет обратно к двери в сад.

– У меня бронхи слабые. Скажите им, чтобы затушили костер.

В гостиной Эйр стоит перед большим букетом цветов. На изящном столике рядом с вазой лежит небольшая стопка глянцевого журналов. Эйр изучает воткнутую в букет карточку.

– Что там написано? – спрашивает Санна, заходя в комнату.

– Она отдала в дар все свои книги. Это открытка из местной библиотеки.

– Надо проверить. Выясни, с кем она общалась в библиотеке и был ли кто-то недоволен фактом дарения.

Глядя на Санну в этом туманном утреннем свете, Эйр думает, что ее ледяной взгляд и светлые волосы отлично дополняют друг друга. Она поражает какой-то холодной, отстраненной красотой, когда стоит вот так, замерев на месте, и разглядывает Мари-Луиз.

– Ну, так это. Что тут за фигня стряслась, как думаешь? – интересуется Эйр.

– Кто бы это ни сделал, он постарался гарантировать, чтобы в ней не осталось ни капли жизни. Никогда не видела ничего подобного. Одного-двух ударов ножом было бы достаточно, а здесь... Такая злоба...

Санна умолкает на полуслове.

– И? – настаивает Эйр, машинально проводя пальцем по корешкам журналов. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Это журналы о садоводстве?

Эйр берет в руки один, поворачивает к себе обложкой и читает название.

– Скорее, какие-то каталоги.

– Чего?

– Всяких заграждений. Вот этот про доски и ограды. – Она подцепляет еще один. – А тут про каменные стены.

Против своей воли Санна вдруг вспоминает те бесчисленные выходные, которые они с Патриком провели в поисках надежных ограждений, когда Эрик был маленьким.

– Я так понимаю, им нужен был новый забор для внутреннего дворика, – подытоживает Эйр. – Дома тут, конечно, красивые, но расположены охренеть как близко друг к другу.

Самый верхний каталог в стопке распахнут на странице, где сравниваются преимущества заграждений из стекла и плексигласа. Внезапно Санна вспоминает резиновые сапоги, которые заметила при входе в дом. Они были все в грязи. Вот только лужайка перед домом покрыта ровной бархатистой травкой. И никаких грядок, требующих ухода, она тоже нигде не заметила.

– Заграждения против ветра, – произносит она. – Им не забор был нужен, а заграждение против ветра.

Она набирает еще один номер и прислоняет трубку к уху.

– Бернард? Мне нужно выяснить, есть ли у Мари-Луиз и Франка Рооз еще какая-то ответственность помимо дома в квартале Сёдра Виллурна.

4.

Черный «Сааб» сворачивает с сельской дороги на широкую гравийку. Санна косится на сидящую рядом Эйр.

– Что, укачивает?

Эйр кивает и судорожно сглатывает. Очень скоро тошнота заставит ее выскочить из машины, но пока она старается сосредоточиться на чем-то другом. Она мучает ее с самого отъезда из Сёдра Виллурна, откуда они отправились в заповедник на юго-западном побережье острова. Там у супругов Рооз летний домик.

Всего в паре километров перед ними открывается вид на море. Йон Клинга следует позади на своем автомобиле. Дорога сюда из города заняла не меньше получаса, и за все время им встретилось не больше десятка машин, причем половина из них трактора или еще какая-то сельскохозяйственная техника.

Окрестности по большей части заросли кряжистым прибрежным лесом. Голые узловатые стволы деревьев изогнулись в сторону от береговой линии. Хруст гравия под колесами напоминает Эйр о том давно прошедшем дне, когда она вдруг осознала, что мир обманул ее, что он совсем не так надежен, как она думала.

Она только недавно сдала на права, и в тот день они с Сесилией отправились в гости к папе. Он тогда снимал загородный домик километрах в двадцати от города, где они с сестрой выросли. Было лето. Стояла жара. Оставшийся кусок гравиевой дороги проходил через участок заболоченного леса с такими же голыми стволами деревьев, как здесь. Она помнит, как зашуршали под колесами мелкие камушки, когда на повороте ее ослепило внезапным светом. Ощущение, что стряслось что-то непоправимое, охватило ее даже раньше, чем она поняла, что это за синий мерцающий свет. Вдоль дороги выстроилось несколько полицейских автомобилей, а в воздухе она заметила приближавшийся вертолет.

Недолго думая, Эйр остановилась у обочины и попыталась понять, что здесь произошло. Наверное, ей казалось тогда, что она могла бы как-то помочь, она уже не помнит.

Вокруг никого не было видно. Она вылезла из машины и углубилась в лес. Занятые своим делом полицейские не заметили ее приближения, наверное, они и сами только что прибыли на место.

Ей никогда не забыть увиденного там, в лесу, на земле между деревьями. Крохотные ножки, вывернутые ступнями вверх, к небу. Обнаженное тельце кажется совсем бесцветным. Маленькая девочка, похожая на тусклую пластмассовую куклу, у которой кто-то отломал руки. На вид ей не больше четырех или пяти лет.

Эйр стояла в нерешительности среди деревьев, ее захлестывала ярость, она чувствовала, как на теле проступает холодный пот. Полицейский в форме попытался увести ее отсюда, но

она не могла разобрать его слов. В ушах они звучали невнятным шумом. Она не помнила, как оттолкнула его, как материлась, позже ей сказали, что ее поведение было совершенно недопустимо.

Месяц спустя руки девочки нашли в мусорном контейнере вместе с одеждой. Вскрытие показало содержание хлора и героина в крови, сосуды были сильно повреждены. Но на этом все кончилось. Опознать ребенка так и не смогли, как и выяснить, где было совершено убийство, прежде чем тело бросили в лесу, как сломанную игрушку. Не нашлось ни одной зацепки, которая вела бы к тому или к тем, кто был повинен в этом преступлении.

В течение нескольких недель Эйр не могла думать ни о чем другом, кроме судьбы девочки. Она думала о бессмысленности произошедшего. О том, как мир предал эту малышку и до, и после смерти. В какой-то момент она дошла до мысли, что и сама причастна к этому предательству, потому что только и может, что читать в газетах о том, как продвигается дело. В конце концов Эйр не выдержала и подала заявление на учебу в полиции.

Перед машиной открывается панорама побережья.

– Спасибо, – благодарит Санна кого-то по телефону. – Да, мы будем держать вас в курсе.

– Прокурор?

– Лейф Лильегрен. Вы с ним еще познакомитесь. У него кабинет в полицейском управлении. Мы продолжаем расследование, но он просил держать его в курсе происходящего.

Мобильный снова звонит, теперь это Йон.

– Мы припаркуемся у причала и остаток пути проделаем пешком, – говорит Санна в трубку.

Йон отвечает что-то в том духе, что Франк Рооз скоро будет у них в руках.

– Если он в летнем домике, – раздраженно отвечает Санна. – Если он провел там всю ночь, он, видимо, понятия не имеет о том, что случилось. В худшем случае преступник мог уже добраться и до него. Всем соблюдать осторожность. Ты слышал, что я сказала?

– В чем там дело? – спрашивает Эйр, когда Санна заканчивает разговор.

– Дело в том, что Франк Рооз пропал с места преступления. В голове Йона это значит, что он и есть преступник.

Они съезжают с пригорка и добираются до бухты, расположенной в небольшом заливе. Залив окружен со всех сторон крутыми прибрежными скалами. Одинокая проржавевшая рыбацкая лодка пришвартована у одного из причалов. В нескольких километрах от берега из воды, словно лишенные скальпа черепа, торчат два известняковых островка. Эйр с Санной минуют запертый киоск мороженщика и пару рыбацких сарайчиков. Чуть в стороне расположились в ряд несколько летних домиков.

– Третий домик, – поясняет Санна, когда они вылезают из машины.

– Сейчас мы его возьмем, – Йон подходит к ним в сопровождении еще двух полицейских.

– *Никто* не делает ничего необдуманного, когда подойдем к дому, – говорит Санна. – Мы рассредоточимся по периметру, и никто не зайдет внутрь, пока я не дам сигнал.

Они подходят к дому почти в полной тишине. Холодный соленый воздух щиплет Эйр щеки, но она, не отрываясь, смотрит на домик. С моря раздается крик чайки.

Домик из состаренной древесины красивого серого оттенка напоминает рыбацкие лачуги благодаря своей простой форме и покрытой дранкой крыше. Окна, рамы и ставни недавно реставрировали, они выкрашены серебристо-серой краской, а узкая старинного вида дверь сияет ярким ультрамарином.

Санна толкает Эйр в плечо и указывает на окно. На видной в окно кухоньке кто-то включил духовку и поставил туда противень.

– Вот черт, – еле слышно произносит Эйр.

Санна вытаскивает служебный пистолет, Эйр делает то же самое. Они медленно продвигаются боком вдоль стены дома, а Йон вместе с остальными полицейскими прячутся за домом.

Напарницы замирают ненадолго у входной двери. Кто-то проложил простенький пандус поверх бугристых, покрытых мхом неровностей при входе. Похоже, его сколотили из остатков деревянной обшивки дома. Пандус чисто выметен, на нем не видно ни листика, хотя склон рядом с домом весь усыпан сухой листвой.

Санна стучится в дверь.

– Полиция, – кричит она. – Все на выход!

Ничего не происходит. Они ждут еще немного. Санна осторожно берется за ручку двери, которая оказывается не заперта. Она приоткрывает дверь, на секунду задерживается на пороге, кивком головы показывает Эйр следовать за ней и исчезает в проеме.

В полутьме комнаты можно различить деревянный кухонный диван и сделанный в пару к нему стол на козлах. Вдоль стены стоят две кровати, на которые накинута простая хлопковая покрывала. На современного вида полке в небольшом кухонном уголке выставлены чашки, тарелки и разные консервы. Столовые приборы хранятся в стеклянном стакане рядом с конфоркой. Из духовки доносится аромат шафрана.

– Что за черт, – произносит Эйр за ее спиной, окончательно убедившись, что это единственное помещение в доме и в нем нет ни души.

Санна жестом показывает стоящему за окном Йону, чтобы тот вошел в дом. На его лице читается явное разочарование, когда он понимает, что здесь никого нет.

– Общем окрестности? – предлагает Йон. – Не мог же он далеко уйти. Духовка ведь включена, да?

Санна уже готова ответить, но вдруг замечает кое-что любопытное на кухоньке. Она поднимает стакан. Под ним лежит аккуратно сложенный листок бумаги.

– Сомневаюсь, что он здесь вообще был.

– Что это? – спрашивает Эйр.

– Счет от товарищества лодочной станции, – отвечает Санна, затем набирает номер и представляется тому, кто ответил на звонок. – Так я и думала, – произносит она, завершив разговор. – Товарищество за небольшую плату оказывает владельцам домиков мелкие услуги...

– Типа подмести дорожку перед их приездом, – подхватывает Эйр.

– Вот именно. Франк звонил им неделю назад сказать, что они с Мари-Луиз придут сегодня в районе обеда. У них годовщина свадьбы, и они хотели отпраздновать ее здесь. Он попросил испечь шафранный пирог⁸ и оставить духовку чуть теплой до их приезда, чтобы пирог не остыл.

– Может, он это все специально спланировал, чтобы никто не догадался, что он собирается ее убить. Прямо в день свадьбы, – предполагает Йон.

– Давайте осмотрим все вокруг дома, прежде чем возвращаться, – произносит Санна.

Ощущение, что они упускают что-то важное, буквально висит в воздухе.

Йон открывает единственный в комнате шкаф и достает оттуда кресло-каталку. Он раскладывает его с громким щелчком. Кресло довольно компактное, с узенькими колесами, и сверхманевренное благодаря изготовленным на заказ пружинам.

– Специально, наверное, заказывали для этой каморки, – произносит он. – Вот скажи мне, если у тебя целый дворец в Сёдра Виллурна, зачем так напрягаться, чтобы залезть в эту тесную холодную кроличью нору?

– Ради любимой, – отвечает Эйр. Она присела на корточки рядом с одной из кроватей, сдвинув в сторону покрывало, и вытащила из-под нее обувную картонку, набитую бумагами и фотографиями.

– Ее отец построил эту хижину лет сто назад, – говорит она, не отрываясь от чтения замусоленной поздравительной открытки. – Потом семья лишилась ее, и она перешла кому-

⁸ Традиционное блюдо готландской кухни.

то другому, пока Франк не выкупил домик несколько лет тому назад. Он подарил его Мари-Луиз на ее семидесятилетие.

Она показывает старую фотокарточку, на которой запечатлен мужчина с грязной лопатой в руках. У его ног на земле лежит розовый куст, а на заднем плане видна хижина.

– Это, наверное, ее отец, – произносит она. – Франк Рооз купил это место для нее. Может, потому, что она хотела вернуться к детским воспоминаниям. По мне, вряд ли кто-то будет делать такое для человека, которого собирается убить.

Санна вновь вспоминает грязные сапоги в доме Роозов. Она выглядывает в одно из окошек хижины. Снаружи она различает пару пригнувшихся к земле сосен, в остальном растительность здесь очень скудная. Трава пробивается сквозь мох маленькими островками. Тут и там торчат кустики колючника. Немного в отдалении виднеется какое-то чужеродное вкрапление в местный ландшафт, похожее на кусок возделанного сада. Почва там черная, совсем недавно ее перекапывали. Там, на фоне грязной земли, выделяются высаженные рядами розовые кусты. Они завернуты в шерсть и сетку, но кое-где ветер истребал защитную оболочку и содрал ее с колючих стеблей. Один куст почти выдрало из земли с корнем и того и гляди окончательно сдует.

Рядом с кустами она замечает сложенные стопкой доски и цементные основания. Наверное, именно здесь должен был быть установлен забор, которым Мари-Луиз и Франк хотели отгородиться от моря и ветра. Ее переполняет странное ощущение бессилия, а потом охватывает паника.

– Что теперь будем делать? – интересуется Йон.

Они стоят в нерешительности. Санна пытается взять мысли под контроль, но не может перестать думать о том, что Франк Рооз, вполне вероятно, лежит сейчас где-то и истекает кровью.

5.

Полицейское управление представляет собой неприметное серо-коричневое здание в два этажа высотой. Через большие двустворчатые стеклянные двери посетитель попадает в светлый холл с информационным табло во всю стену, под которым установлен телефон для внутренних вызовов. Справа от него длинный стеклянный коридор. Он проходит через внутренний двор и ведет к камерам предварительного заключения.

Санна и Эйр минуют еще одни стеклянные двери, открыть которые можно только при помощи магнитной карточки с кодовым ключом, а потом заходят в лифт. Дежурный поднимает на них взгляд без особого интереса, когда двери лифта открываются этажом выше. Уши у парня проколоты, на нем гарнитура, и он бормочет в свою гарнитуру что-то про Трента Резнора из Nine Inch Nails и фоновую музыку к какой-то игре.

– Нам нужно выделить комнату для опергруппы. Расследование по делу об убийстве Мари-Луиз Рооз, – поясняет Санна.

– Большой зал, – коротко отвечает парень. – Берnard уже начал там все расставлять.

Его шею обвивает вытатуированный линдворм⁹ с коронообразной гривой и торчащими клыками.

– Пошли, – командует Санна и легонько толкает Эйр локтем в бок.

Они проходят оупен-спейс – целое поле рабочих столов в гигантском квадратном зале с бежевыми стенами. Огромные окна зала выходят на городскую стену и море. В самом углу находится отгороженный кабинет начальника полиции Эрнста Экена Эрикссона. За пределами кабинета ровными рядами стоят рабочие столы. На этом порядок заканчивается. В осталь-

⁹ В скандинавской мифологии мифическое существо, представляющее собой гигантскую змею или бескрылого дракона.

ном здесь царит откровенный бардак. Большинство столов завалено бумагами. А еще ручками, степлерами, бланками и папками, неизменно черного или коричневого цветов, вперемешку с разномастными кофейными чашками.

В комнате отдыха Санна наливает себе кофе.

– Тебе налить?

Эйр отрицательно мотает головой и пьет воду прямо из крана. Утерев губы рукой, лезет в холодильник посмотреть, чем там можно поживиться. Несколько контейнеров с ланчами и банок колы. Кто-то зачихнул поглубже на полку кулек булочек с корицей. Она замечает начатую упаковку с нарезанной салями и приканчивает ее, сунув все ломтики разом себе в рот.

– Проголодалась? – спрашивает Санна.

Эйр закрывает дверцу.

– Нет, уже сыта, – отвечает она, дожевывая, и широко улыбается. Дальше по коридору рядом с комнатой отдыха находится несколько комнат для допросов. Дверь в одну из них открыта нараспашку. Санна кивком предлагает Эйр последовать за ней. Комната большая и светлая. На столе лежит свежий блокнот и несколько карандашей, а на белой доске закреплены два фото, Мари-Луиз и Франка Рооз. Фотография Франка – это увеличенный фрагмент их совместного снимка, стоявшего у супругов в гостиной. Это смуглый мужчина с блестящими волосами, тронутыми сединой. Глаза у него зеленые.

Бернард пишет на доске рядом с фото Франка слово «не найден» и подчеркивает его.

– Ну что там с летним домиком, тупик и разворот вышел? – обернувшись, спрашивает он.

– Прежде всего, Бернард, – отвечает Санна, присаживаясь на один из стульев, – должна сказать, что Лейф просил меня держать его в курсе событий. Проследи, пожалуйста, чтобы это делалось должным образом. Меньше всего мне нужен недовольный прокурор в довесок к остальному.

– Да, конечно, – отвечает Бернард, пожав плечами.

– А здесь как дела? – спрашивает Санна. – Давайте вместе пройдемся по всему, что знаем на этот момент.

Он кивает.

– Я начну, – продолжает Санна. – Из библиотеки ничего не похищено. К книгам никто не притрагивался.

– Вряд ли у нас было время это проверить, – возражает Эйр.

– Полки за защитным стеклом и под сложной системой сигнализации, я сама видела. Охранное предприятие через пару секунд бы узнало, если бы кто-то начал что-нибудь там трогать.

– Кто-нибудь из вас связывался с Судденом и узнавал, что показали предварительные результаты экспертизы? – спрашивает Бернард.

– Ничего, – отвечает Санна. – Но они с командой продолжают работу.

Бернард садится на стул, закидывает в рот сразу две жвачки и начинает шумно чавкать.

– Хорошо, – продолжает Санна и подходит к фотографии Мари-Луиз Рооз. – Кто-то атаковал ее с особой жестокостью. Вряд ли она застала врасплох вломившегося в дом грабителя. Кто-то хотел *уничтожить* ее. И наиболее вероятно, что это сделал кто-то из ее знакомых. У кого-то она вызывала настолько сильные эмоции, что они потребовали такой разрядки.

– Из дома можно выйти тремя путями, – добавляет Эйр. – Входная дверь на улицу была открыта, следов взлома на ней не обнаружено, в дом никто не врвался. Дверь, ведущая из гостиной на террасу за домом, была заперта, и ее никто не трогал. На двери в библиотеке, через которую, как мы думаем, преступник и покинул место преступления, тоже никаких повреждений, кроме того, ее можно открыть только изнутри. Так что в дом преступник вошел через парадную дверь.

Санна кивает.

– Что подкрепляет теорию о знакомом жертвы, которого она сама впустила в дом. Крупная ссора, которая привела к насилию.

– Ну не знаю, меня вы не очень-то убедили... – откликается Бернард, – что это кто-то из ее знакомых...

Он продолжает со вздохом:

– Обход соседей ничего не дал. Все говорят одно и то же. Что чета Роозов ни с кем не общалась. Во всяком случае, общение было довольно поверхностным. Если отбросить обязательные коктейльные вечеринки и церемонии, связанные с ее благотворительной деятельностью, они держались в стороне от всех. В доме не нашлось ни одного компьютера, а на почту в телефоне Мари-Луиз, похоже, получала одну рекламу и счета за покупки. Мы запросили детализацию звонков, но ничего не обнаружили, в большинстве случаев они перезванивались с мужем.

– А телефон Франка? Его местоположение? Тоже ничего? – спрашивает Санна. Бернард отрицательно мотает головой.

– Компьютера не было? Если брать в расчет ее бизнес и счета, все их финансы, это как-то странно, разве нет?

– Я тоже об этом подумал, – соглашается Бернард. – Но у них адвокаты, аудиторы и управляющий на материке, эти люди и вели большую часть их дел. Может, в таком случае компьютер и не нужен?

– Что нам о них известно? – спрашивает Санна. – О тех, кто на них работает?

– Мы пообщались с адвокатской конторой и с банком, где работает их управляющий, там ничего подозрительного. С аудиторами то же самое. Указанное ими время последнего общения с супругами Рооз совпадает с детализацией звонков Мари-Луиз, все они готовы открыть доступ к любой необходимой информации. Так что у нас нет причин считать, что они что-то скрывают. Нам предоставят доступ ко всем счетам Роозов и готовы в любое время ответить на все наши вопросы.

– Хорошо, – говорит Санна. – Когда получим доступ к их счетам, нужно сразу начать расследование по активам, все проанализировать и проследить денежные потоки.

Эйр и Бернард одновременно отводят глаза. Санна продолжает со вздохом:

– В доме не было ничего особенно необычного, кроме конверта в прихожей. В нем лежало несколько тысяч крон. Я попросила Суддена изучить его. Да еще этот стикер, который я нашла *под* конвертом... Нам нужно проверить всех в ее телефоне, кто записан на букву «В».

– Я уже посмотрел. У нее в мобильном нет никого, чье имя начиналось бы на «В», – отвечает Бернард.

– Тогда надо проверить соседей...

– И соседей с такими инициалами нет, – перебивает он ее.

Эйр приподнимает одну бровь и насмешливо смотрит на Бернарда.

– Блин, если бы я была не в курсе, я бы решила, что вы уже пожалели, что уходите на пенсию, и очень хотите остаться.

– Да ни за что, – отвечает Бернард.

– Ладно. Мы знаем что-нибудь про условия ее страховки или мне это выяснить? – предлагает Эйр.

– Мы выяснили. В случае ее смерти все получает муж, – отвечает Бернард.

– О нем есть какие-то новости? – интересуется Санна.

Бернард мотает головой.

– Ничего, ни одной зацепки. Он не пользовался ни телефоном, ни банковской карточкой со вчерашнего дня. Я созвонился с аэродромом и портом, но это ничего не дало. Так что вари-

анта два: или лежит где-нибудь в канаве, или его увезли куда подальше, потому что он видел лишнее. Это гораздо вероятнее версии о том, что он убийца.

Санна отпивает кофе.

– Я попросила Йона созвониться с местным поисковым отрядом, от них что-то есть?

– Они соберутся через пару часов с собаками.

– Хорошо.

– Я пытался связаться с лечащим врачом Франка. Чтобы мы всё знали о состоянии его здоровья.

– Хорошо. Сообщи, как только узнаешь больше, и проследи, чтобы эту информацию получили все, кто прочесывает местность.

– А пресса? – спрашивает Бернард. – С ними что будем делать?

– С этим пусть Экен разбирается, когда вернется. Зачем еще нужны начальники?

– Мне позвонить в библиотеку? – предлагает Эйр. – Узнать, с кем Мари-Луиз там общалась, когда передавала им пожертвование. Может, там случилось что-то такое, что требует нашего внимания.

– Они вообще не общались напрямую, – говорит Бернард. – Все было улажено через адвокатов и аудиторов. Библиотека только послала Мари-Луиз букет с открыткой.

Эйр начинает барабанить пальцами по столу.

– Судден, – произносит Санна с улыбкой, когда дверь вдруг распахивается и на пороге появляется мужчина в вязаном исландском свитере. Свитер кажется почти нарисованным поверх его мускулистых рук. Густые седые волосы небрежно зачесаны назад. Во всем его облике чувствуется какая-то усталость и в то же время пленительный шарм. У него огромные глаза и крючковатый нос с горбинкой. Эйр не раз слышала о Свене Суддене Свартё, прославленном криминалисте с многолетним опытом работы и блестящим образованием. Один из лучших криминалистов в стране. Но она и представить себе не могла, что он такой здоровяк. Она-то ожидала увидеть тщедушного профессора.

Судден кладет на стол перед ними фотографию. На ней нож в пакете для вещдоков. Широкое лезвие из нержавеющей стали вдоль обуха густо измазано кровью.

– Ты была права, Санна, – произносит он. – Преступник вышел через заднюю дверь. Вот это лежало под живой изгородью между их садом и соседским.

Санна светится от радости.

– Сколько времени займет экспертиза?

– Надеюсь, не больше пары дней.

– Знаешь, что это за нож? Что можешь о нем сказать?

– Охотничий нож. Нержавеющая сталь. Ручка деревянная.

– Модель? Марка? Можем проверить по магазинам.

– Магазины вам не помогут. Тем более что он не новый. Я бы предположил, что ему лет пятнадцать-двадцать, если не больше.

Эйр рассматривает фотографию. Под подтеками крови она различает какой-то черно-зеленый налет.

– Так ты и есть новый Бернард? – Судден с улыбкой протягивает ей руку.

– Эйр Педерсен, – отвечает она, не поднимая на него глаза. – А это что?

Эйр указывает на фото.

– Водоросли, я так думаю, – отвечает Судден. – Посмотрим, какой ответ даст экспертиза, но подозреваю, что он долго хранился на улице, прежде чем им воспользовались.

– Если это водоросли, значит, преступник держал его где-то рядом с морем?

– На этом острове все рядом с морем, – отвечает Судден с улыбкой.

Бернард берет фотографию и закрепляет ее на доске под фотографией Мари-Луиз Рооз.

– А больше хороших новостей у меня нет, – добавляет Судден. – Мои ребята собрали отпечатки, образцы тканей и волосы. Но по большей части там все загрязнено. Совершенно непригодно для экспертизы.

– Это мы слышали, – говорит Санна. – Мы столкнулись с одним из твоих ребят, когда прибыли на место.

– Но должно же там быть хоть что-то полезное? – спрашивает Эйр. – Даже если соседка везде потопталась.

– Увы. Мы нашли только ее следы, да еще супругов Рооз. Все остальное было испорчено.

– Черт, – произносит Эйр.

На лице Санны написаны разочарование и досада.

– Санна, ты меня знаешь, – серьезно добавляет Судден. – Ты знаешь, что обычно я такого не говорю. Но на этот раз у меня такое чувство, что вам попался призрак.

Он делает паузу.

– Вы не думали запросить помощь с материка, из Национального отдела расследований?

– Да, но никто из НОР не мечтает здесь оказаться, – говорит Санна. – Хотя Экен же знает кого-то из начальства там?

– Нам на хрен не надо никакого НОР, – внезапно взрывается Эйр. Тот знакомый Экена как раз и отправил ее на этот остров, уж она-то знает.

Санна и Судден пристально смотрят на нее, удивленные такой реакцией.

– Знаете что, – произносит Судден, посмотрев на часы, – мне пора идти. Я дам знать, как только мы узнаем что-то про нож.

Санна идет с ним к двери и внезапно замечает, что у него что-то прилипло к подошве.

– Подожди-ка, – произносит она и наступает на торчащий край того, что оказывается оберткой от конфеты с красной физиономией клоуна. Она подбирает обертку, чтобы выкинуть ее.

– Хорошо, я сам не заметил, – шутит Судден. – *Терпеть* не могу клоунов.

– Я помню эти карамельки, – проговаривает Санна. – У Эрика никогда не получалось управляться с этой клешней...

Она обрывает себя на полуслове и смотрит на Суддена:

– Но те игровые автоматы уже несколько лет как не работают?

– Какие? – спрашивает Эйр. – О чем вы?

– В парке аттракционов у скалы. Конфета оттуда. Только он уже несколько лет как закрылся.

– На меня не смотри, – говорит Судден. – Я не из тех, у кого пульс зашкаливает при виде комнаты страха и все такое.

– Когда ты их в последний раз надевал, туфли эти?

Судден задумывается ненадолго.

– Дай-ка подумать... У Роозов на мне были мои обычные рабочие ботинки, а потом...

– Но ты ездил обратно к Роозам, чтобы осмотреть живую изгородь? После первого визита?

– Да.

– И в тот раз на тебе были эти туфли? Не рабочие ботинки?

– Да...

– Хорошо, хорошо, – произносит Санна. – А после этого где ты был?

– Нигде.

Санна достает мобильный. Она звонит диспетчеру и спокойным голосом сообщает, что ей понадобится подкрепление у скалы.

– Да что вы делаете-то? – спрашивает Эйр.

– Зброшенный парк аттракционов – это же идеальное укрытие.

Эйр криво усмехается.

– Вы думаете, что преступник...

– Пришел оттуда, – обрывает ее Санна. – Я думаю, что он пришел из закрытого парка развлечений.

6.

Въезд в парк аттракционов преграждают железные ворота. На проржавевшей вывеске нарисованы двое детей, которые держатся за руки. Под вывеской громоздкий навесной замок, а от ворот в обе стороны тянется высокая ограда, вдоль которой поверху натянута колючая проволока.

– И что теперь будем делать? – интересуется Эйр.

Санна ждет, пока Йон, Бернард и остальные припаркуются и подойдут к воротам. Ограда очень старая. Ни у кого с собой нет никаких инструментов, но Бернард звонит какому-то зрителю, который может им открыть. Санна берется за ограду и пытается потрясти, но ограда крепкая. Она вытирает руку о штаны, на них остается коричневое маслянистое пятно ржавчины и грязи.

– Идем, – командует она Эйр и направляется обратно к машине, на ходу выкрикивая Бернарду, чтобы он поторопился с поисками того, кто может открыть ворота. – А если это займет слишком много времени, – кричит она, прежде чем захлопнуть дверцу машины, – набери Лильегрена и все-таки попроси его выдать разрешение на проникновение.

Они проезжают несколько километров на юг вдоль забора, пока Санна не останавливает машину. Развесистый куст шиповника вжался в ограду. Она выходит из машины и некоторое время возится с ним, и наконец отводит ветки в сторону.

– Бинго.

Эйр с удивлением смотрит на открывшуюся дыру в земле, лаз выходит по ту сторону ограды.

– В дни моей юности тут проводили очень неплохие концерты, – поясняет Санна. – А ограду с тех пор, видно, не меняли.

Когда они проползают на ту сторону, Эйр поднимается с изумленным видом. Перед ними открывается ландшафт из пластика и металла, покрытый слоем грязи и поросший травой. Зброшенные карусели и пустые киоски с вывесками «Мороженое» и «Лимонад». Чуть в отдалении свалены в кучу выставленные сушиться водяные горки.

– А это не слишком притянуто за уши? – произносит Эйр. – В смысле, эту обертку же кто угодно мог потерять. Или ветром могло пригнать к Роозам, хрен его знает...

– Если боишься, можешь вернуться к ограде и подождать там с парнями, – произносит Санна, не глядя на нее.

– А ты хоть помнишь, где стоял тот автомат с конфетами? С него же начнем? – отвечает Эйр язвительно.

Она идет следом за Санной мимо площадки с гигантскими чайными чашками, которые словно застыли в бешеном круговороте. Они проходят мимо карусели с цирковыми животными и еще одной с качелями на цепях. Пройдя мимо пирамиды для лазания, составленной из улыбающихся лошадей, Эйр прибавляет ходу. От вида этого места ей становится не по себе.

Санна останавливается у сцены. Краска задника облезла, а сквозь пол пробивается упрямая березка.

– Что такое? – спрашивает Эйр, когда Санна достает оружие и жестами показывает ей не шуметь.

Слышен какой-то звук. Похоже на звук игрового автомата. До них доносится тихая музыка. Она звучит где-то совсем близко. Санна кивает в сторону домика с выключенной магазинной вывеской.

Когда они проникают в заброшенный магазин, Эйр сразу попадает на глаза автомат с конфетами. Небольшая клешня висит над морем леденцов, завернутых в фантики, на которых красуется физиономия клоуна. Одно из стекол автомата разбито и по полу раскиданы фантики из-под конфет. На полке рядом с автоматом стоит динамик. Музыка доносится из него. Эйр проводит рукой по проводу от динамика, пока не доходит до стены, в которой он исчезает. Никакой двери нет, так что она предполагает, что музыку могут включать дистанционно. Или, может быть, эта старая аудиосистема включается и выключается по таймеру, который и вовсе никогда не прекращал работать.

Санна вдыхает затхлый магазинный воздух. На пустых полках остались ценники на купальники и надувные круги. Она вспоминает, как они покупали здесь нарукавники для Эрика как-то летом, красные с дельфинчиками. Он их обожал почти так же, как автомат с конфетами, хотя у него совсем не получалось справляться с клешней. Он мог стоять там до бесконечности.

Эйр натывается спиной на стойку со старыми газетами. Раздается грохот, а потом все стихает. Музыка исчезла. Они один за другим осматривают проходы между полками и встречаются в центре магазина. Ничего. Эйр выскальзывает из магазина с поднятым служебным пистолетом, чтобы проверить, нет ли здесь другого выхода, который они не заметили.

Вернувшись к автомату с конфетами, Санна скользит взглядом по облупившимся стенам, и до нее внезапно доносится какой-то стук. Он звучит глухо, как будто кто-то бьет рукой или ногой по толстому пластику. Она вспоминает, что в первом проходе, который она осматривала, стояла старая морозильная камера. Звук исходит оттуда.

Она медленно подходит к морозильнику.

Слышно, как кто-то дышит.

Санна успевает подумать, что это похоже на дыхание животного в панике, а затем кто-то сильно бьет ее в спину. Она пытается ухватиться за морозильник, но рука соскальзывает. Звук шагов торопливо удаляется к дверям. Что-то вспыхивает в воздухе. Какой-то крошечный предмет падает на пол и, сверкнув, исчезает из поля ее зрения, а потом в глазах окончательно темнеет. Она ударяется головой о морозильник и падает на пол, пытается пошевелиться, встать на ноги, но тело не слушается.

Звон телефона возвращает ее из забытья. Голоса. Прежде чем она успевает увидеть, кто здесь, она слышит собственный голос. Она спрашивает, поймали ли его.

Зрение возвращается понемногу, Эйр помогает ей встать на ноги.

– Ты была права, – говорит Эйр.

Она показывает старую квитанционную книжку, в которой кто-то нацарапал адрес Роозов.

Обратная сторона книжки влажная, она лежала где-то в сырости и скоро будет непригодна для криминалистов.

– Где он? И где вы все были, черт вас возьми? – шипит Санна Йону, Бернарду и молодой женщине-полицейскому, одновременно счищая с одежды пыль. Все трое стоят за спиной Эйр.

– Мы его не видели, – отвечает Бернард.

Снаружи мигают синие огни. Они вызвали подкрепление.

– Неужели так сложно пригнать сюда кого-нибудь, кто может открыть ворота? – восклицает Санна. – Если бы вы были *здесь*, он бы мог уже быть у нас в руках. А теперь у нас ничего нет. *Ничего*.

– А ты где была? – обращается она к Эйр, у которой во взгляде появляется какая-то злость.

– Так ведь не моя, блин, вина, что кое-кто на ногах не держится.

Бернард пытается оправдаться тем, что местность оцеплена и начаты поиски, но Санна не слушает его. Она знает, что уже слишком поздно, что он уже сбежал, и посылает Бернарду злобный взгляд, под напором которого он пятится к дверям. Боль пронзает затылок. Очень медленно в памяти всплывает какая-то деталь. Предмет, который упал на пол.

Санна бросается на землю и начинает ползать, шаря руками в пыли и грязи на полу.

– Что ты за фигню творишь? – спрашивает Эйр.

– Он что-то уронил. Оно блеснуло.

– Если бы это был нож, мы бы его не пропустили, – отвечает Эйр.

– Нет, не такое большое. Меньше, что-то типа колечка для ключей или вроде того. – Она ранит ладони о неровный дощатый пол. Грязь и пыль въедаются в кожу. Дойдя до самой двери и так ничего и не отыскав, она начинает думать, что возможно ошиблась. Санна уже почти встает на ноги, когда вдруг замечает несколько старых газет, которые торчат из-под одного из стеллажей, страницы трепещут от сквозняка, который создает приоткрытая дверь.

– Перчатки, – взволнованно произносит Санна.

Потом протягивает руку к лежащему рядом со стеллажом предмету, подцепляет его и выуживает на свет.

Это украшение. Золотая цепочка с тремя подвесками в форме крохотных плоских сердечек. Они тоже из золота, чуть шероховатые, так что свет мягко поигрывает, отражаясь от рифленой поверхности. В ней чувствуется какая-то невинность, а когда Санна выпускает цепочку так, чтобы она свисала у нее в пальцах, становится очевидно, что она очень короткая.

– Она детская, – произносит Санна.

7.

На часах ровно десять утра, когда вывеска ювелирного магазина загорается мягким светом и зарешеченная дверь отпирается изнутри. Санна и Эйр стоят и дрожат снаружи.

Дверь им открывает владелица магазина. Она узнает клеймо на украшении сразу же, как только Санна вынимает цепочку из пакета для вещдоков и кладет на прилавок. Хозяйка магазина берет несколько папок, туго набитых бланками заказов, и начинает перелистывать.

Эйр смотрит по сторонам, разглядывая эксклюзивный бутик. Целая стойка увешана поблескивающими кольцами, ожерельями и браслетами, копирующими исторические украшения. Она видела уличных торговцев в центре, которые торговали подобными вещицами, и понимает, что это все реплики местных украшений, археологических находок.

– Что ж, посмотрим, – бормочет владелица магазина. – Я помню эту цепочку.

Она достает заполненный от руки формуляр.

– Оплату производили наличными. Выглядеть это должно было вот так.

Она переворачивает формуляр и показывает Санне прикрепленную с обратной его стороны вырезку из журнала. На ней Джоди Фостер в образе Айрис из фильма «Таксист». Айрис лет одиннадцать-двенадцать. Она сильно накрашена, волнистые волосы выбиваются из-под широкополой белой панамки. Блузка с рисунком из крупных красных цветов завязана узлом на талии, коротенькие красные шорты опоясаны белым ремнем с заклепками. В руке актриса держит желтые очки от солнца. На шее у нее точно такая же цепочка с тремя сердечками.

– Кто ее заказал? – спрашивает Эйр.

Владелица магазина углубляется в свои записи.

– Странно, имени у меня тут не указано.

Она колеблется некоторое время, потом поднимает взгляд и произносит:

– Простите, но я не могу справиться со своим любопытством. Что-то, наверное, произошло, раз вы здесь и украшение упаковано как улика?

Санна улыбается ей милой дежурной улыбкой и обменивается с Эйр быстрым взглядом.

– Вы можете описать того, кто делал заказ? – спрашивает она. – Давно это было?

Женщина недовольно вздыхает и вновь возвращается к своим записям.

– Судя по дате, это было три года назад. Я мало что помню. Только что мы получили это фото. Девочка, для которой заказывали украшение, очень любила этот фильм. Кажется, ей тогда исполнилось двенадцать лет.

Бульжная мостовая перед магазином блестит от дождя, в воздухе пахнет дизелем. Фургончик доставки стоит перед пивной по соседству с магазином, не глуша мотор.

– Ты этот фильм, «Таксист», смотрела? – спрашивает Эйр.

Санна отвечает кивком.

– Я тоже. Тогда ты в курсе, что та девочка в фильме, она...

– Проститутка.

– По-твоему, это ничего не значит?

Санна пожимает плечами.

– А у тебя разве не было в детстве героев из фильмов, на которых хотелось быть похожей? Так же выглядеть, разговаривать? Например, потому что они увереннее или потому что одеваются, как тебе бы хотелось?

– Ну хорошо, – отвечает Эйр, подняв руку, чтобы прервать Санну. – Я понимаю, что ты хочешь сказать. И все-таки тебе не кажется немного неправдоподобным, чтобы «Таксист» был любимым фильмом у какой-нибудь малолетки? В смысле, там же сплошной жесткач, да и он древний как хрен знает что, годов семидесятых...

Санна еще раз пожимает плечами.

– Да, конечно, но я пересмотрела кучу фильмов Чаплина, когда была маленькой, а я вроде не в двадцатые родилась.

– Значит, ты не считаешь, что эта цепочка нам хоть как-то поможет? – спрашивает Эйр со вздохом.

Санна отрицательно мотает головой.

– Если нам повезет отыскать девочку, которой она принадлежала, тогда мы, может, и придем к чему-то. А так...

– Покажи-ка ее, – говорит Эйр. – Цепочку, покажи ее!

Санна с непонимающим видом извлекает пакетик из кармана и протягивает ей.

– А теперь отогни в сторону уголок с надписью, – командует Эйр. – Чтобы видно было только украшение, чтобы не было понятно, что оно в каком-то полицейском пакете лежит.

Санна делает, что велено. Эйр снимает цепочку на телефон. Потом звонит Бернаруду и просит его выставить анонс в местной газете в разделе находок.

Санна одобритительно кивает, когда Эйр заканчивает беседу. Она устала, в глазах появился блеск, в голове легкий туман. Она засовывает пакетик обратно в карман пальто.

– Поехали оставим это Суддену, чтобы он мог провести экспертизу как можно быстрее? – спрашивает Эйр как раз в тот момент, когда телефон Санны тихо тренькает.

– Это Фабиан. У него все готово для судмедэкспертизы.

Дребезжание каталки смешивается со скрипом резиновых шлепок в коридоре отделения судебно-медицинской экспертизы. Эйр слышит, как захлопывается дверь, потом снова насту-

пают тишина. Зевнув, она принимается рассматривать большое полотно, висящее на бледно-васильковой стене. На нем изображена девушка в кринолине и черном капоре. Она стоит босая на каменистом пляже на берегу моря. Выложенные широкими кругами рыбы кости создают колоколообразную клетку вокруг ее ног.

Картина наводит Эйр на размышления о Мие Аскар. Фотографии водной глади в ее соцсетях, такие холодные и безлюдные. Как может на одном острове быть так много недоступных мест, думает Эйр.

– Будешь?

Санна стоит у нее за спиной с двумя бумажными стаканчиками кофе и запечатанной упаковкой фалафеля. Она протягивает Эйр стаканчик, но та морщит нос.

– Как ты можешь пить эту дрянь? – спрашивает она и тянется за упаковкой.

– Нет, – отвечает Санна и отводит руку. – Это Фабиану.

Потом залпом выпивает содержимое своего стаканчика.

– Я только что говорила с Бернардом, он наконец дозвонился до лечащего врача Франка.

Телефон Эйр начинает вибрировать, она отходит в сторону, чтобы ответить. А когда возвращается, Санна удивленно приподнимает бровь.

– Я думала Берnard проверяет контакты Франка и Мари-Луиз Рооз, – говорит она.

– Да, знаю, но я решила, что могу помочь.

– И?

– И позвонила в Форнсален чуть раньше сегодня, чтобы спросить, кто работал с Франком последним. Сейчас этот человек перезвонил. Это палеонтолог, который тоже консультировал музей одновременно с ним.

– Но это ничего не дало?

– Никакой подсказки о нынешнем местонахождении Франка. Но вот что он сказал. В последний раз они вместе работали над какой-то выставкой, это было одиннадцать лет назад. Выставка была по находкам, которые обнаружили при эрозивном разрушении клифа. Всякие там ископаемые, которых находят при размывании породы. В один день они, как обычно, работали вдоль края клифа, надев страховочные пояса. Потом Франк вдруг начал кричать что-то нечленораздельное и размахивать руками в своем снаряжении. Он задел в нем что-то, выпал из страховочной системы и грохнулся вниз. Похоже, довольно сильно. Его счастье, что вообще выжил.

– Берnard говорил о каком-то несчастном случае, из-за которого он сломал обе ноги и повредил спину, но я думала, речь об автомобильной аварии.

– Ладно. Но это не самое печальное во всей этой истории. Когда он пришел в сознание, то был убежден, что видел в пещере на кромке клифа Деву Марию. Он только об этом и говорил. Что она сидела там и смотрела прямо на него и что у нее был хвост. Врубаешься, хвост, блин!

– Видение?

– Ну да, или как там эту хрень называют, только он на этом повернулся. Ни о чем другом говорить не мог. Он заперся у себя дома и после этого почти совсем не появлялся на людях. Ходили слухи, что Мари-Луиз в какой-то момент перестала водить его к психиатру и пробовала прибегнуть ко всевозможным альтернативным методам лечения, даже экзорциста приглашала, чтобы муж перестал болтать о том, что видел.

– *Экзорциста?*

– Поди знай. Этот палеонтолог сказал, что это все слухи. Но Франк после этого, судя по всему, принялся дистанционно изучать теологию, отказался от общения со всеми, с кем раньше работал, и нашел новых друзей.

– Каких новых друзей?

– Этого он не сказал. Он не особо вдавался в детали. Сказал, что столько лет прошло и он с тех пор с Франком не общался.

Санна кивает. Все, что касается Мари-Луиз и Франка, кажется все более и более странным. Она раздумывает над тем, что говорил Судден по поводу Национального отдела расследований. Похоже, этого не избежать, сама она не знает, куда им двигаться дальше.

– Сообщи об этом Бернарду, – произносит она тихим голосом в тот самый момент, когда дверь секционного зала внезапно распаивается. Запах дезинфекции разносится по коридору, и на пороге показывается высокий осанистый мужчина лет тридцати. Взъерошенная пышная шевелюра нависает над пронзительными синими глазами.

– Хорош по стенкам жаться, – произносит он и жестом приглашает их войти.

– Эйр, – говорит Эйр и протягивает ему руку.

Он пристально смотрит на нее.

– Фабиан Гардель. А вы, наверное, новый Бернард?

Он одаривает Санну улыбкой, когда та протягивает ему пакет с фалафелем.

Все в зале выглядит стерильным и холодным. Белый кафель и нержавеющей сталь поверхностей. Пол покрыт прорезиненным паласом. На широком секционном столе лежит Мари-Луиз Рооз. Она без одежды. Ее тело абсолютно лишено цвета, только на груди ярким пятном зияет большой кратер.

– Сразу к делу? – спрашивает Фабиан и смотрит вниз на Мари-Луиз, как будто ловит ее взгляд.

– Да, – отвечает Эйр с излишней энергией.

– Как вы знаете, я еще очень далек от завершения экспертизы, – отвечает он и улыбается ей.

– Знаем, – говорит Санна.

Фабиан проводит рукой вдоль шрамов на шее жертвы.

– Вот причина смерти.

– Мы о них говорили, – говорит Эйр. – Из них какой-то гребаный крест получается.

Фабиан чуть заметно улыбается.

– Первая моя мысль, что эти разрезы и удары в грудную клетку сделаны одним и тем же охотничьим ножом, который нашла команда Суддена. На теле есть частички тех водорослей, которые были на рукоятке ножа. Конечно, нам нужно дождаться точного анализа, но я подозреваю, что его результаты подтвердят мое предположение.

– Что еще? – спрашивает Санна.

– Раны были нанесены с применением силы. Раневые каналы глубокие.

– То есть можем считать, что мы ищем кого-то сильного? Мужчину?

Фабиан раздумывает, прежде чем ответить.

– Ее убили, когда она лежала на диване. Так что даже человек с умеренными физическими данными смог бы нанести ей такие раны.

– А под каким углом? Сверху?

– Именно так.

Эйр пробирает дрожь – в зале холодно. Похожее на изваяние лицо Фабиана излучает такую же мужественность, как и его руки, а гладкая кожа в свете больничных ламп кажется слепленной из ледяных кристаллов.

Она замечает, что он опустил взгляд вниз на ее ногу, которой она нервно отбивает чечетку по полу, и она немедленно останавливает себя, сразу вспомнив про свои потрепанные кеды. Они еще и грязные, и видно, что шнурки порваны, по крайней мере в одном месте.

Пока его синие глаза изучают ее, ей хочется одного – свалить отсюда. Она чувствует себя серой и унылой по контрасту с энергией, которую излучает этот человек.

– А вы можете еще что-то сказать об обстоятельствах убийства? – спрашивает она, краснея.

– Судя по тому, с какой агрессией преступление было совершено, мы склоняемся к мысли, что это кто-то из ее знакомых, – добавляет Санна. – Агрессия, с которой преступник повалил ее на диван и набросился на нее. Что скажешь? Согласен с этим?

Фабиан хмурится. Он встает рядом с головой Мари-Луиз, достает фонарик и направляет его свет ей на волосы.

– Не совсем. Нападение произошло в любом случае не спереди.

Он отводит в сторону волосы по пробору около макушки и освещает синяк на коже головы.

– Он крепко схватил ее за волосы. Судя по отметине, сзади. И сильно и резко потянул голову назад.

– Вы хотите сказать, что он напал на нее неожиданно? Застал врасплох? – уточняет Эйр. Фабиан кивает.

– Потом, видимо, какое-то время удерживал, минуты две, не меньше, прежде чем ударить ножом по горлу.

– У меня тут что-то не сходится, – говорит Эйр. – Зачем кому-то нападать на пенсионерку и делать с ней такое?

– Итак, если суммировать первичные выводы, – нетерпеливо обрывает ее Санна, – все указывает на то, что Мари-Луиз атаквали сзади, схватив за волосы и потянув голову назад. Убийца крепко удерживал ее некоторое время, пока не полоснул по горлу, а потом перешел к окончательной расправе, нанеся удары ножом в грудную клетку, в легкие, в сердце и так далее.

Фабиан кивает. Он потягивается, отводит плечи назад и непроизвольно зевает. Под халатом проступают мышцы, и Эйр прячет глаза.

– Еще что-то? – спрашивает Санна.

– Я же сказал, мне тут еще работать и работать.

Эйр прикусывает губу и засовывает руки в карманы.

– Это какой-то чертов кошмар, – бормочет она под взглядом Фабиана.

– А большинство кошмаров, – произносит Фабиан мягким голосом, – заканчиваются встречей с монстром. Рано или поздно он объявится, вот увидите.

8.

Прочесывать местность начинают от жилья Роозов в квартале Сёдра Виллурна. Около шестидесяти добровольцев принимают участие в поисковой операции, кое-кто с собаками, натренированными брать след и разыскивать людей. В месте общего сбора атмосфера хоть и напряженная, но дружелюбная. Женщина в светоотражающем жилете одалживает у другой резиновые сапоги, двое мужчин заняты на раздаче бутылок с водой, фруктов, шоколадок и протеиновых батончиков. Еще одна дама ходит среди добровольцев и проверяет удостоверения личности и возраст участников операции, а заодно выясняет, у кого при себе есть пауэр-банки, чтобы те, у кого садится аккумулятор на телефоне, могли своевременно подзарядить его. Здесь же несколько журналистов, но они стараются оставаться в тени.

К наступлению сумерек все приоритетные зоны поисков уже прочесаны без каких-то результатов. Проверены все улицы одна за другой, все сады, канавы, детские площадки, парки, гаражи, склоны, мусорные контейнеры и живые изгороди. Франк Рооз исчез без следа. Санна и Эйр встречаются с мужчиной средних лет, который возглавляет поисковую операцию, у него большой опыт такого рода. Он подтверждает, что сделано все возможное.

– Какие ресурсы все-таки были задействованы в первые сутки? – интересуется он у них.

– Все возможные. Мы обошли все дома по соседству, привлекли к делу несколько патрулей с собаками... – отвечает Санна.

– Вам нужно было обратиться к нам раньше.

– Понадобилось время, чтобы разбить территорию на сектора. У нас мало ресурсов, вы и сами знаете.

Мужчина удрученно вздыхает.

– Что?

– Ваше описание – передвигается на инвалидном кресле, но может обходиться и без него, было немного туманным.

– Как я уже вам объясняла, несколько лет назад он стал жертвой несчастного случая, но проходил реабилитацию...

– Это я знаю, – прерывает он ее. – Я только хотел сказать, что если он и правда мог ходить самостоятельно, то может быть уже очень далеко отсюда.

– Только вот если он ранен... – нетерпеливо перебивает его Эйр.

– Это неважно. Эндорфины могут помочь телу. Когда ты тяжело ранен, они могут даже подействовать как обезболивающее. Он может быть уже где угодно на острове.

– Если он вообще может сейчас передвигаться на своих двоих, – возражает Эйр.

– Во всяком случае, это более вероятно, чем то, что он сквозь землю провалился.

Вечером Эйр болтает немного с Сесилией и они выводят Сикстена на прогулку. Парк рядом с квартирой, которую они снимают, ничем не отделен от окружающих его улиц. Никакой отграничивающей ограды, а в самом парке никакого освещения. Мимо торопятся прохожие, кто-то домой, кто-то быстро выгулять собаку. Сесилия говорит что-то вроде того, что мир, кажется, разваливается на части, но у Эйр нет сил ее утешить. После прогулки она уединяется на кухне и углубляется в чтение интернет-статей о пожертвованиях, сделанных Мари-Луиз и Франком Рооз. Она не может выкинуть из головы фотографии с места преступления, и ей трудно сосредоточиться.

А затем она вбивает в поисковом окошке имя Санны Берлинг. Первые результаты поиска сплошь о ее работе в полиции. Только в одной статье говорится о другом – там речь идет о пожаре, в котором десять лет назад погибли ее муж и сын. Эйр уже читала об этом, когда только узнала, что ее отправляют сюда и искала в сети информацию о Санне. Тогда, еще до их личной встречи, она с увлечением прочла эту статью. Теперь же, перечитывая ее, чувствует себя так, словно влезает в чужую жизнь. Надев куртку, она выходит на улицу, ей нужна передышка от всего, что связано с этим расследованием, работой и новыми коллегами.

Дорога до побережья занимает всего несколько минут, ей не встречается почти ни один прохожий. Уже за полночь. Она останавливается у городских купален. Она тут совсем одна, впрочем, от стены купальни отделяется силуэт какой-то женщины. Она берет деньги у костлявого парня, смахивающего на аиста с поникшим клювом. Тот протягивает ей пачку купюр, но она продолжает упрямо выставлять руку вперед. Он нехотя выдает ей еще одну пачку, а потом замечает Эйр. Его тощие ноги набирают скорость, он торопится поскорее убраться отсюда.

Женщина утрамбовывает банкноты в свою сумочку. Она сверлит Эйр взглядом, а потом скрывается в сумраке у стены. О том, что она все еще стоит здесь, вжавшись в стену, говорит только рдеющий огонек сигареты.

За купальней лежит полоса пляжа. Эйр зарывается ступнями в песок и бредет, пока не доходит до сгнивших мостков. Широкие доски держатся на гигантских бетонных дисках. Там она скидывает ботинки, стягивает одежду и идет к воде. Сейчас прилив, и она едва успевает отойти от берега, как волны вскипают вокруг тела. Их тяжелый, маслянистый, сам себя разрушающий пояс то захлестывает, то утягивает ее все дальше.

Она ныряет в волну. Ее охватывает холод, он иглами впивается в кожу. Эйр начинает плыть, вкладывая всю волю в движения, ей нужно пробиться сквозь грохочущую тьму и бушующие в ней силы. Лицо, уши и веки немеют. Кисти и пальцы сводит так сильно, что ей начи-

нает казаться, что она гребет неуклюжими клешнями. Но она продолжает упорно грести, и постепенно тепло и силы возвращаются. Она входит в ритм, адреналин толкает ее вперед, гребок за гребком. Здесь она чувствует себя уверенно. Море принадлежит ей. Так было всегда, с самого детства.

Все началось много лет назад, когда они с папой и Сесилией вышли в море на лодке. Она расхулиганилась, и наказание не заставило себя долго ждать. В ее любимого папу словно что-то вселилось. Когда он высадил ее на маленькой скале в заливе, Эйр до смерти испугалась. Когда стемнело и поднялись волны, она решила добираться до берега вплавь.

Через несколько часов она выползла на берег победительницей и рухнула к ногам Сесилии и рыдающего отца. В отчаянии он отправился на лодке разыскивать ее, но вернулся ни с чем. Одежда висела на ней мокрым тряпьем, глаза жгло, ее трясло с интенсивностью небольшого землетрясения. Но никогда еще ей не было так хорошо.

Все были уверены, что она больше никогда не осмелится снова зайти в воду, но она сделала это уже на следующее утро. Рано утром, пока все еще спали, она ушла на море. С этого дня оно принадлежало ей.

Как-то раз кто-то предположил, думая, что она не слышит, что она плавает, чтобы заглушить отчаяние и агрессию. Что это все из-за матери. Из-за того, что она так рано умерла. В другой раз она услышала, как отец винил себя в том, что она остервенела с того самого дня и ее тянет в воду вновь и вновь.

Сама она не особо задумывалась над этим. Знала только, что этот холод успокаивал ее, изо дня в день, и все остальное становилось неважно.

Звук, исходящий из бетонной стены гаража, повторяется шесть-семь раз, потом следует пауза, и снова слышится писк. Иногда паузы бывают длиннее, как будто существо, которое живет в стене, пытается вспомнить забытую мелодию.

Санна сидит на кровати, водка в стакане теплая. Она держит в руке бутылку, отпивает большой глоток из стакана, наполняет стакан снова, выпивает, снова наливает и выпивает до дна.

Она думает о поисковой операции. По пути домой она развернулась и снова поехала в Сёдра Виллурна. Долго бродила по кварталу в одиночестве, надеясь, что ей придет в голову что-нибудь стоящее. Потом направилась к Суддену, который тоже предпочитал работу днем и ночью всему остальному. Он осмотрел украшение, но не смог сказать ей ничего определенного, впрочем, обещал продолжить и ничего не упустить, если она, в свою очередь, пообещает ему отправиться домой и лечь спать.

Она ложится в одежде. Веки тяжелеют, но она борется со сном. Желтые всполохи мелькают перед глазами, так всегда бывает, прежде чем она срывается в бездонную пропасть, которая разверзается под ней. В темноте она летит вниз, пытаясь уцепиться хоть за что-то. Воздух вокруг становится все жарче, она ударяется обо что-то твердое и раскаленное, спина и колени начинают болеть. Прошлое превращается в пылающее настоящее и бежать от него некуда.

– Идем, Братец Кролик, идем, – слышит она чей-то голос.

Существо, которое выступает вперед, которое всегда выступает вперед, когда она проваливается в этот ад, кажется мягким, круглым и податливым. У него по-детски дружелюбная физиономия, розовые щечки и далеко расставленные друг от друга глаза. Только густая коричневая борода выбивается из этого образа и не светится невинностью, но и от нее исходит свое особое сияние. Напомаженная и расчесанная, она имеет столь же ухоженный вид, как и его подтяжки, брюки цвета хаки и тщательно выглаженная рубашка.

Внезапно мир раздается вширь и наступает день. Она видит того же человека, Мортена Унгера, стоящего у широких стеклянных дверей полицейского управления. Рядом с ним пожилой адвокат, который обращается к толпе журналистов.

– Если Мортен Унгер не пироман, то кто же тогда? – выкрикивают журналисты. Адвокат откашливается и поднимает руку, чтобы заставить всех умолкнуть.

– Мой клиент рад, что расследование наконец прекращено и он отпущен из заключения и больше не является подозреваемым. Спасибо.

Он замечает Санну в людском море и улыбается с отвращением и триумфом. После этого препровождает своего шарообразного клиента к автомобилю сквозь напирющую толпу.

Прежде чем открыть дверцу машины, Мортен Унгер оборачивается к ней. Он достает из кармана сигарету и коробок спичек. Потом улыбается, не отрывая от нее взгляда, поджигает спичку и роняет на землю. Пламя срывается вниз, ударяется об асфальт и рикошетом отлетает в сухую траву у парковки. Огонек разгорается, по лицу Мортена Унгера пробегает судорога возбуждения. Садясь в машину, он шевелит губами и произносит предназначенные ей одной слова:

– Идем, Братец Кролик, идем.

За ее спиной напирает толпа, еще чуть-чуть, и ее роняют на землю, безучастно топчут сапогами, кроссовками, острыми каблуками, пока автомобиль вырывается с парковки.

Санна кричит, но у нее перехватывает дыхание, и она вскакивает в реальности, в своем гараже. Комната вокруг нее погружена в тишину. Писк прекратился. Она крутит в руках бутылку, переворачивает ее вверх дном, но бутылка пуста, да и в блистере тоже не осталось ни одной таблетки.

Она швыряет бутылку об стену. Та дает трещину, но не разбивается. Стукнувшись о бетонный пол, бутылка укатывается в угол. Там, в углу, что-то шевелится.

Здоровенная крыса исследует треснувшую бутылку.

Санна машет рукой на совершенно не испугавшуюся тварь. Ее большой заостренный нос и раздвоенная верхняя губа шевелятся, но черные глазки абсолютно неподвижны. Крыса наблюдает за ней, потом злобно шипит, сгибает свой облезлый хвост и шмыгает в большую щель между полом и стеной.

Санна вздыхает, ей приходится прислониться к стене. В машине она отыскивает еще одну полупустую бутылку водки и свою сумку. Она опускается на водительское сиденье и оборачивается, чтобы взять новую упаковку таблеток. При этом на пол автомобиля летит папка, которую ей вручил Бернارد. На ней написано «Мари-Луиз Рооз». Когда она подбирает ее, на колени Санне выскользывает фотография.

Она заглядывает прямо в свинцово-серые глаза Мари-Луиз. Торжественная, церемонная и скованная Мари-Луиз сидит с прямой спиной, чуть развернувшись вправо. Причесанные волосы красиво ниспадают, с одной стороны она тщательно заправила прядку за ухо. Высокий воротник на блузке скрывает горло. Снимок не отличается от любого другого студийного официального фото.

Санна неловко поворачивает его обратной стороной в поисках какой-нибудь надписи, но там ничего нет. Когда она снова всматривается в застывшее лицо, ее взгляд останавливается на уголках губ Мари-Луиз. Они чуть вздернуты вверх глубоко залегающими дугами. Изогнулись в едва заметной улыбке. С тенью коварства. Санна усиленно моргает, но налет цинизма в улыбке никуда не девается.

Она трясет папку, оттуда выпадает еще несколько фотографий. На одной из них Мари-Луиз, такая, какой ее нашли в доме. Ее лицо неподвижно, как и все кругом. Санна снова обращает внимание на одну деталь. На столике у дивана лежит обложка от фильма «Алис и я». Мысль о том, что Мари-Луиз сидела, ничего не подозревая, и смотрела фильм об Алис Бабс, почему-то кажется утешительной, практически внушает спокойствие. Может быть, звук был включен на полную мощность, может быть, Мари-Луиз не слышала, как преступник подкрался к ней. Все, наверное, произошло всего за минуту.

Санна пытается выбраться из машины, но ударяется коленом, сгибается, громко выругавшись, и задевает ключ зажигания, от чего врубается стереосистема. Сжав в руке блистер, она вдруг вспоминает о таблетках. С удрученным видом выдавливает себе на ладонь сразу несколько штук. Закидывает в рот и глотает, запив водкой, а после засыпает под Роберта Джонсона и «Панчдранкс». Музыка заглушает писк новорожденных крысят в пустотелых гаражных стенах.

Когда такси сворачивает в сторону полицейского управления, во рту у нее все еще чувствуется привкус водки. Утреннее солнце слепит глаза, на улице красиво. В ярко-синем небе ни облачка. Если бы не голые ветви деревьев и не засохшие клумбы вдоль парковки, можно было бы подумать, что на дворе весна.

В голове стучит, когда она заходит в светлое фойе, поднимается на лифте, кивком здоровается с дежурным и замечает прокурора Лейфа Лильегрена. Он переговаривается с дамой из социальной службы на выходе из своего кабинета.

– Берлинг, – кричит он ей и торопится ей на встречу, натягивая ветровку.

Вечно он куда-то бежит, думает Санна. Проносится мимо всего, как ветер. Ему лет пятьдесят, а на вид все семьдесят. Светлые глаза рассеянно смотрят из-за стекол очков без оправы, лицо покрыла сетка морщин, а вокруг рта залегли две глубокие складки.

– Привет, Лейф, – коротко здоровается она. – Надеюсь, Бернард сообщил тебе о последних новостях?

Он кивает в ответ.

– Но я хочу от тебя услышать, как идут дела с супругами Рооз. Что у вас происходит?

– Мы делаем все возможное...

Он громко шмыгает носом, вынимает носовой платок, который становится красным от крови. Несмотря на это, он быстро засовывает его обратно в карман.

– Что с тобой?

– Продолжай держать меня в курсе.

Он смотрит на нее так, словно чего-то ждет. Санна кивает.

– Ну ладно... – с этими словами Лейф торопится к стойке дежурного и к лифту.

Бернард уже на месте, в выделенной им для расследования комнате.

– А, ты уже тут, – произносит он, когда Санна входит в комнату.

Она без спроса берет со стола чашку с дымящимся кофе.

– Ну-ну, на здоровье, – обиженно реагирует Бернард. – Как ты?

Она пожимает плечами.

– А у Лильегрена все хорошо, ты не знаешь? У него сейчас кровь носом шла.

– Стресс, наверное.

Она ничего не отвечает и отпивает глоток кофе. Бернард начинает:

– Судден тебя искал. Он не нашел никаких отпечатков пальцев на цепочке, вообще ничего, – Бернард делает паузу в ожидании ее реакции и продолжает, не дождавшись: – Но объявление о находке уже опубликовано.

– Спасибо, – произносит она безжизненным голосом. – Еще что-то есть по Мари-Луиз? Или по Франку?

Бернард со вздохом мотает головой.

– Хорошо, – продолжает она. – Мне нужно немножко подумать. Закроешь дверь, когда выйдешь?

– Ладно. Конечно. Я только хотел сказать, что получил запись.

– Какую запись?

– Запись с камеры наблюдения у карьера.

Из-за убийства Мари-Луиз Рооз она почти забыла про Мию Аскар.

Теперь воспоминания о ней снова нахлынули. Этот грубый шнурок, запутавшийся в волосах Мии, а еще вопрос Эйр о том, как она туда попала и не мог ли ее кто-то подвезти.

– Теперь, наверное, отложим ее в долгий ящик, запись эту? – спрашивает Бернад. – Я так понимаю, ты хочешь сконцентрироваться на Мари-Луиз и Франке.

Санна смотрит на фотографию Франка на доске. Она отлично понимает, что он может все еще быть жив, даже если шансы найти его уменьшаются с каждой минутой.

– Да, – произносит она вслух. – Все остальное может подождать.

– Хорошо. Все равно это точно было самоубийство, с девочкой этой.

Санна кивает, Бернад вздыхает еще раз и выходит из комнаты.

– Ты сама знаешь, что я об этом думаю, – говорит он, прежде чем закрыть за собой дверь. – Мы не будем тратить силы на такую фигню.

– погоди, – Санна слышит свой собственный голос как будто со стороны. – Я передумала. Я хочу посмотреть эту запись.

Она опускает гардины как раз в тот момент, когда в комнату входит Эйр.

– Ты опоздала, – упрекает ее Санна.

– Знаю, – холодно парирует Эйр. – Что вы делаете?

– Время убиваем, – отвечает Бернад, – которого у нас нет.

Он ждет, пока запись загрузится. Санна выдвигает стул из-под стола и садится перед экраном.

– И что мы смотрим? – спрашивает Эйр и тоже выдвигает себе стул.

Санна прокручивает запись, день за днем, ночь за ночью. Кадры с последними отдыхающими, которые окунаются в карьер, дрожат на ветру и отправляются домой. Потом человеческие фигурки в кадре появляются все реже, заброшенный пейзаж становится совсем безлюдным, лишь изредка мелькают лесные звери.

От этого скудного ландшафта веет неприкрытой брутальностью. Если бы не пожилой мужчина, выгуливающий на рассвете свою собаку, можно было бы запросто решить, что в эту глушь никогда не ступала нога человека.

Но вот опускаются сумерки, и на опушке леса показывается странное существо. Это девочка-подросток, она идет, ведя за руль старенький велик. Шея обмотана вычурным зеленым боа, из-под песочного цвета панамы выглядывают огненно-рыжие кудри. Девчонка увешана бижутерией, как елка, а из кармана замшевого жилета торчат солнечные очки. Санна прищуривается, силясь рассмотреть еще какой-то предмет у нее на шее, но ей так и не удается разобрать, что это.

Девочка подходит к кромке воды, кладет велосипед на землю и позволяет ему сползти в воду и скрыться под ее бирюзовой гладью. Потом она оглядывается по сторонам. Взгляд на несколько секунд замирает в одной точке, словно она смотрит прямо в камеру. Это Мия Аскар.

Солнце скрывается за лесом. С последними его лучами, пробивающимися из-за деревьев, девочка стаскивает боа с шеи и стягивает с себя всю одежду кроме джинсов. Солнце высвечивает ее худенькие бледные плечи.

Она смотрит перед собой пустым взглядом, снимает с ног ковбойские сапоги и скидывает их в воду вместе со всей остальной одеждой и украшениями, потом встает босая на краю карьера. Вода в каменоломне лежит ровной гладью. Постояв, девочка натягивает тот предмет, который болтается у нее на шее, себе на лицо.

Это старая треснувшая маска. Черты лица не похожи на человеческие. Широкий рот окаймляют черные губы, а прорези для глаз посажены так глубоко, что глаза самой девочки перестают быть видны, хотя она стоит довольно близко к камере. Заостренный нос придает маске какой-то безумный вид.

Санна понимает, что она видит *лису*. Мерзкую. Манящую. Унылую. Хитрую.

Мия поправляет тесемку за ушами и аккуратно садится у кромки воды. Прижимает, по всей вероятности, лезвие бритвы к правому запястью и дает ему погрузиться в кожу, потом проделывает то же самое с левым запястьем. После этого откидывает голову назад и как будто задерживает дыхание, пульсирующая кровь струится по рукам, а тело девочки потихоньку сползает в воду. Оно остается на поверхности и дрейфует в чаше карьера. Когда тело отплывает от крутого берега, по воде вокруг него расплывается сначала красное, потом ржаво-охряное, потом коричневое и наконец лиловое пятно.

Бернард ставит видео на паузу.

– Довольна?

Ее душат эмоции. Санна едва может здраво мыслить. Мозг работает как двухтактный мотор. К спертому воздуху в комнате примешивается что-то еще. Ощущение, что только что увиденное ими на экране ей почему-то знакомо.

– Вот же черт, – выдавливает Эйр.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, что шнурок у нее в волосах от этой маски и что она сама приехала к карьере на велосипеде, – со вздохом произносит Бернард. – Что ж, оставим это и перейдем к тому, чем и должны сейчас заниматься.

Санна ничего не отвечает. На экране застыл кадр с невесомым телом девочки на поверхности воды. Картина невероятного уныния. Но есть там что-то еще, что-то неуловимое. Она пытается освободиться от этого ощущения, упорядочить мысли, но они спутываются и туманятся.

– Вот же черт, как это все грустно, – говорит Эйр.

Бернард поднимается с места и собирается уходить.

– Да уж, что может заставить молоденькую девчонку сотворить с собой такую глупость?

– А что ее от этого останавливает? – шепотом парирует Эйр.

Санна не слышит их, она склоняется к ноутбуку и начинает прокручивать запись назад. Дойдя до момента, где Мия натягивает на лицо маску, она останавливается.

– Что ты делаешь? – удивляется Эйр.

– Можно увеличить картинку?

Бернард склоняется над ней и показывает, как это сделать. Она нетерпеливо оттесняет его в сторону и регулирует размер и резкость, пока на экране не остается только изображение девочки.

– И что это за фигня? – спрашивает Эйр.

Осознание пронзает, как молния, хаос в голове рассеивается. Санна внимательно смотрит на экран. Она видит не Мию Аскар. Перед ней *девочка-лиса*. Она видела ее прежде. На стене в длинном узком коридоре, которому, казалось, не было конца.

9.

Дом Мари-Луиз и Франка огорожен широкой сине-белой лентой, которая дрожит на ветру. Молодой полицейский в форме стоит за ограждением и сонно наблюдает за проезжающими машинами, велосипедистами и прохожими, пока Санна возится с замком на входной двери. Похоже, за ночь он замерз. Эйр нетерпеливо трясется от холода, стоя рядом с ней, и читает открытку, прикрепленную к букету, который кто-то оставил на ступеньках.

– На хрена писать «прощай», когда кто-то умер? Они уже умерли, какое может быть прощание?

В гостиной все так же, как было перед их уходом, только нет самой Мари-Луиз, пледа и нескольких подушек. Единственное бросающееся в глаза напоминание о случившемся – большое черное пятно засохшей крови на диване. Оно широко расплзается, как паук, чьи лапки свисают вниз к полу и ползут прочь по дорожному ковру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.